

АКУШЕРСКО-ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА СНЕГИРЕВА.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

МОСКВА—1917.

ПАМЯТИ

ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА СНЕГИРЕВА.

ВМѢСТО ПРОТОКОЛА.

Внѣочередное засѣданіе Акушерско-Гинекологическаго Общества, состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ университетѣ, посвященное памяти почетнаго члена Общества заслуженнаго Ординарнаго Профессора

Владимира Федоровича Снегирева

почетнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета,

состоявшееся 1-го Февраля 1917 года въ большой богословской аудиторіи новаго зданія университета.

СОДЕРЖАНІЕ:

	<i>Стр.</i>
1) Предсѣдатель Общества Н. И. Побѣдинскій : Заслуженный профессор В. Ѳ. Снегиревъ —учредитель и многолѣтній предсѣдатель Общества	1
2) Почетный членъ Общества А. П. Губаревъ : Воспоминанія о жизни и дѣятельности покойнаго В. Ѳ. Снегирева (некрологъ)	6
3) Товарищъ Предсѣдателя Общества Ѳ. А. Александровъ : Памяти профессора В. Ѳ. Снегирева	43
4) Дѣйствительный Членъ Общества Л. А. Кускова : Памяти учителя В. Ѳ. Снегирева	52
5) Заслуженный Ординарный профессор А. Б. Фохтъ : Свѣтлой памяти товарища и друга.	62

Почетный предсѣдатель этого засѣданія:

А. Губаревъ.

A. Crompton

Не исполнилось еще 4-хъ лѣтъ со дня смерти перваго предсѣдателя Акушерско-Гинекологическаго Общества проф. А. М. Макѣева, какъ мы понесли другую тяжелую утрату.

Умеръ Владиміръ Ѳедоровичъ Снегиревъ, учредитель Общества, его первый товарищъ предсѣдателя, бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдателемъ, а послѣднее время—нашимъ почетнымъ членомъ.

Значеніе профессора В. Ѳ. Снегирева, какъ выдающагося дѣятеля гинекологіи чрезвычайно велико и едва ли можетъ быть оцѣнено по достоинству въ настоящее время, когда трудно помириться съ мыслью о его смерти. Его дѣятельность извѣстна не только всѣмъ русскимъ, но и многимъ иностраннымъ врачамъ; его знаютъ безчисленныя пациентки, разсѣянныя по всей Россіи и обязанныя ему жизнью и здоровьемъ.

Въ дѣлѣ развитія отечественной гинекологіи Владиміру Ѳедоровичу принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Если онъ самъ считалъ, что проф. А. Я. Крассовскій положилъ въ Россіи начало развитію хирургическаго направленія современной гинекологіи, то Владиміръ Ѳедоровичъ былъ въ числѣ главныхъ строителей, заложившихъ крѣпкій фундаментъ „цѣльнаго и стройнаго зданія гине-

кологии, какъ науки, совершенно отдѣльной и самостоятельной“.

Конечно, благопріятныя обстоятельства въ началѣ его дѣятельности—введеніе антисептики, а затѣмъ асептики, появленіе выдающихся специалистовъ у насъ и за-границей и пр.—много способствовали быстрому и пышному расцвѣту гинекологіи за послѣдніе годы. Но слѣдуетъ признать, что талантъ, энергія, большая работоспособность и безпредѣльная любовь къ своему дѣлу выдвинули и поставили Владиміра Федоровича на первенствующее мѣсто, несмотря на многочисленныя препятствія, встрѣчавшіяся ему на первыхъ шагахъ его дѣятельности.

До него въ Москвѣ не было ни кафедры, ни специальной клиники; гинекологія не была самостоятельной наукой, а читалась въ Московскомъ Университетѣ при акушерствѣ въ видѣ немногихъ лекцій; а практическія занятія производились на небольшомъ количествѣ случайно приходившихъ больныхъ въ амбулаторіи акушерской клиники.

Лѣтъ тридцать тому назадъ Москва была бѣдна специальными больничными учрежденіями; больныя женщины помѣщались въ терапевтическихъ и хирургическихъ отдѣленіяхъ больницъ. Поэтому многимъ казалось, что въ Москвѣ, за недостаткомъ матеріала, нельзя открыть самостоятельнаго Акушерско-Гинекологическаго Общества, а возможно существованіе только филиальнаго отдѣленія Петроградскаго Общества. Владиміръ Федоровичъ принадлежалъ къ тѣмъ „русскимъ Московскимъ людямъ“, которые отстаивали самостоятельность нашего Общества, выработали соотвѣтственный уставъ его, и тѣмъ положили начало успѣшному его развитію.

Принявъ на себя обязанности руководителя новаго Общества, и не имѣя еще въ своемъ распоряженіи клиники, а пользуясь небольшимъ матеріаломъ амбулаторіи

и 4-хъ коекъ въ клиникѣ проф. Г. А. Захарьина, онъ на первыхъ шагахъ поставилъ задачей совмѣстной работы изученіе способовъ леченія женскихъ болѣзней при помощи электричества и массажа. Въ 1888—89 годахъ много докладовъ принадлежало его ученикамъ, разрабатывавшимъ подъ его руководствомъ различные способы леченія электричествомъ. Въ засѣданіяхъ Общества обсуждались, разъяснялись показанія, противопоказанія и способы примѣненія могущественныхъ факторовъ физическихъ способовъ леченія. И Владиміръ Федоровичъ своими талантливыми обобщеніями способствовалъ освѣщенію важныхъ вопросовъ, касающихся врачебной помощи больнымъ женщинамъ.

Впослѣдствіи, когда основалась первая гинекологическая клиника на Дѣвичьемъ полѣ, Владиміръ Федоровичъ всегда приходилъ дѣлиться съ нами своими цѣнными клиническими наблюденіями, результатами своей оперативной дѣятельности и различными новыми способами операций.

Чрезвычайно интересны и поучительны были порою его заключительныя рѣчи, какъ предсѣдателя, въ которыхъ онъ съ большимъ увлеченіемъ говорилъ о возможныхъ усовершенствованіяхъ и достиженія наилучшихъ успѣховъ при дальнѣйшей разработкѣ тѣхъ или другихъ отдѣловъ нашей специальности. Иногда намѣчались имъ и тѣ пути, по которымъ—по его мнѣнію—слѣдуетъ идти къ разрѣшенію различныхъ важныхъ, но трудныхъ для изученія вопросовъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ дѣлалъ такія цѣнныя указанія и предложенія, которыя впослѣдствіи получили широкое практическое примѣненіе.

Не могу не упомянуть, что въ одномъ изъ засѣданій имъ было указано на желательность производства кесарскаго сѣченія вѣбрюшнымъ разрѣзомъ еще въ 1888 году,

т. е. почти за 20 лѣтъ до предложенія Франка, которому приписывается заслуга возрожденія старой операци, получившей въ своихъ видоизмѣненіяхъ такое широкое распространеніе за послѣднее время.

Съ настойчивостью, съ талантливымъ, заразительнымъ увлеченіемъ работалъ среди насъ Владиміръ Ѳедоровичъ; и Общество всегда съ большой благодарностью будетъ помнить его отлѣнную работу на пользу развитія гинекологіи.

Преклоняясь передъ увлекательнымъ и неустаннымъ трудомъ дорогого учителя, до самой своей смерти не измѣнившаго своимъ юношескимъ завѣтамъ въ избранной специальности и стоявшаго всегда на стражѣ интересовъ женщины, невольно задаешься мыслью, что двигало имъ, что давало ему силы и энергію для такой неуклонной дѣятельности, сопряженной нерѣдко съ различными затрудненіями и неудачами.

Отвѣтъ—мнѣ думается—можно найти въ его рѣчахъ, произнесенныхъ имъ на Международномъ Конгрессѣ въ Москвѣ, при открытіи 1-го Съѣзда Россійскихъ акушеровъ и гинекологовъ и на празднованіи 25-лѣтняго юбилея нашего Общества.

„Женщина—не разъ повторялъ онъ—это колыбель рода человѣческаго... она должна имѣть больше правъ и меньше обязанностей. Тогда она, какъ мать, сохранитъ свое здоровье, возстановитъ свои богатырскія силы, свою мощь, свою красоту, а красота ея родитъ истину, а истина есть правда и красота“.

Преклоненіе передъ женщиной, вѣра въ ея духовную мощь и ея назначеніе, надежда на свѣтлое будущее человечества въ связи съ разрѣшеніемъ женскаго вопроса неизмѣнно руководили имъ въ его работѣ на благо и пользу женщины.

Онъ привѣтствовалъ допущеніе женщинъ къ изученію медицины и предвидѣлъ, что вступленіе женщинъ

врачей должно принести громадную пользу, такъ какъ многія функціональныя разстройства, особенности женскаго организма и ея психическаго темперамента могутъ быть подробнѣе, глубже и обширнѣе изучены только женщиной.

4 года тому назадъ здѣсь, въ этой же аудиторіи онъ какъ бы пророчески указывалъ, что тотъ народъ побѣдитъ, разовьетъ свою дѣятельность и продолжитъ свою жизнь, въ которомъ женщина будетъ наиболѣе развита, въ которомъ дѣятельность и жизнь ея будутъ поставлены шире. „Если кто побѣдитъ пушки—этотъ идеалъ нашихъ дней—сказалъ онъ—и сдастъ ихъ въ архивы и арсеналы, это будетъ никто иной, какъ женщина“.

Владиміръ Федоровичъ своими вдохновенными словами постоянно призывалъ насъ на работу по воссозданію здоровой, сильной и красивой женщины.

Память о нашемъ дорогомъ учителѣ будетъ жить и не должна исчезнуть пока живо человѣчество, также какъ не исчезнетъ гинекологія,—въ обширномъ значеніи этого слова,—во что онъ „вѣрилъ и что исповѣдывалъ“.

Прошу Васъ М. М. Г. Г., почтить вставаніемъ память учредителя Общества и нашего почетнаго члена Владимира Федоровича Снегирева.

Н. ПОБѢДИНСКІЙ.

1917 г. Февраля 1.

ДЕКАБРЯ 19-го истекшаго года скончался Профессоръ Владиміръ Федоровичъ Снегиревъ.

Мы всё такъ привыкли прислушиваться къ его авторитетному голосу, считаться съ его вѣскимъ мнѣніемъ, основаннымъ на многолѣтней опытности, на неустанной, исключительной по инициативѣ, интензивности и производительности работъ, такъ привыкли черпать изъ этого неизсякаемаго источника убѣдительныя, цѣнныя и оригинальныя сужденія, основанныя на тонкой наблюдательности и чуткой воспримчивости этого крупнаго таланта, что намъ трудно себѣ представить, что его нѣтъ среди насъ и что все это уже закончилось.

„Вотъ мы съ Вами и осиротѣли“, пишетъ мнѣ В. Е. Маковскій, нѣтъ больше съ нами нашего друга и чуднаго человѣка“... „Неужели мы больше не увидимъ нашего учителя и не услышимъ его слова, вселявшаго вѣру въ наше дѣло, ободрявшаго насъ при невзгодахъ и неудачахъ нашей работы“, пишутъ его ученики изъ Батума, изъ Екатеринбургa. „Много горя принесъ этотъ уходящій, високосный годъ, а тутъ еще потеря учителя, дорогъ онъ намъ: вѣдь сродственными идеалами живемъ мы, дѣлая наше скромное дѣло“, пишутъ земскіе врачи изъ глухихъ уѣздовъ и селъ Пензенской и Вятской губерніи.

„Закатилась звѣзда!—Ея ласковый свѣтъ,
 Что сіялъ такъ любовно надъ нами,
 Еще свѣтитъ въ душѣ, какъ прощальный привѣтъ,
 Взоръ невольно туманитъ слезами“.....

Пишетъ съ одра болѣзни изъ Ялты его ученикъ, почитатель и другъ (В. И. Туръ).

Трудная година переживаемаго нами историческаго момента не можетъ отвлечь вниманіе отъ этой блестящей страницы въ исторіи нашей науки, отъ свѣтлаго образа этого крупнаго таланта, творческой дѣятельности этого необычнаго, удивительнаго представителя хирургическаго искусства. Не хочется признать, что все это уже закончилось и должно отойти въ область воспоминаній. Не видно, чѣмъ можно заполнить тотъ пробѣлъ, ту пустоту, которая ощущается вслѣдствіе этой потери. И это въ такое время когда намъ особенно нужны люди сильные разумомъ, твердые духомъ, искренно и беззавѣтно преданные родинѣ, вооруженные полностью знаніемъ, умѣніемъ работать, мужественно и настойчиво доводить всякое дѣло до конца.

Владиміръ Федоровичъ родился въ Москвѣ 27-го іюня 1847 года въ домѣ, принадлежавшемъ его родителямъ на Житной улицѣ, недалѣко отъ Калужскихъ воротъ. Отецъ его былъ коренной москвичъ и служилъ секретаремъ въ Сиротскомъ Судѣ у Иверскихъ воротъ. Дѣдъ его происходилъ изъ духовнаго званія и переселился въ Москву изъ Владимірской губерніи.

Родъ Снегиревыхъ далъ нѣсколько выдающихся дѣятелей съ честью и славой занимавшихъ кафедры въ нашемъ университетѣ. Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ (1796—1820), Ординарный Профессоръ Правъ, Естественнаго, Политическаго и Народнаго, Статскій Совѣтникъ, Духовнаго званія, родился въ городѣ Александровѣ. Его Восприемницею была Императрица Елисавета въ послѣдніе

годы Царствованія Своего. „Лекціи его бывали поучительны по многообразнымъ свѣдѣніямъ и пріятны по ясности и легкости въ объясненіи. Онъ владѣлъ языкомъ своимъ и умѣлъ съ искусствомъ выражать на ономъ и самыя отвлеченныя предметы преподаваемыхъ имъ наукъ—достоинство въ ученomъ, сколь важное, столь и весьма рѣдкое“.

Его сынъ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ (род. 1793 г.) Ординарный Профессоръ (1816—1835) Римскихъ Древностей и Латинскаго языка извѣстный знатокъ археологіи, въ особенности отечественной, прославился своими изслѣдованіями народнаго быта и знаменитымъ собраніемъ русскихъ народныхъ пословицъ и притчъ, приходился, повидимому, двоюроднымъ дѣдомъ покойнаго Владиміра Федоровича.

Въ 1852 году отъ холеры скончался отецъ Владиміра Федоровича, оставивъ на рукахъ его матери довольно многочисленную семью; въ 1856 году онъ остался круглымъ сиротой. Около этого времени, пока мать его хлопотала о размѣщеніи дѣтей, въ томъ числѣ и его, въ учебныя заведенія для воспитанія на казенный счетъ, на что она имѣла право по службѣ мужа, Владиміръ Федоровичъ проживалъ у дальней родственницы, просвирни при церкви Спаса въ Наливкахъ (тамъ же, за Москвой рѣкой).

Объ этой любвеобильной, добродѣтельной старицѣ, возрадившей и приголубившей много разной дѣтвory, своихъ родственниковъ изъ Владимірской губерніи, покойный всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ и благодарностью. Ея заботами и гостепріимнымъ кровомъ пользовался онъ и по поступленіи въ Малолѣтнее Отдѣленіе Воспитательнаго Дома, куда онъ въ скорости былъ помѣщенъ. Эта святая женщина скончалась, кажется тоже отъ холеры, какъ разъ передъ поступленіемъ его казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ 1-ю гимназію, гдѣ уже

учился его старшій братъ. Владиміру Федоровичу было въ это время около 9 лѣтъ. Недолго пробылъ онъ въ гимназіи, не прошло и года и не успѣлъ онъ приступить къ переводнымъ экзаменамъ въ слѣдующій классъ, какъ пришла бумага о переводѣ его въ корпусъ, въ штурманское училище въ Кронштатъ.

Произошло это совершенно внезапно и случайно: кому то понадобилась вакансія въ гимназіи и его какъ казенно-коштанго воспитанника перевели въ Кронштатъ.

Здѣсь въ суровой обстановкѣ тогдашней отрогой дисциплины пробылъ онъ до 18 лѣтняго возраста. Онъ засталъ то время когда кадетамъ утромъ вмѣстѣ чая давался квасъ и кусокъ чернаго хлѣба, а крупную соль служитель горстью разбрасывалъ по серединѣ столовъ изъ большой корзины, которую носилъ за нимъ его помощникъ. Только въ концѣ его пребыванія въ корпусѣ утренній квасъ былъ замѣненъ сбитнемъ. Все дѣлалось, разумѣется, по командѣ и сама собою выработывалась привычка къ порядку, но жилось бодро, а зимою, когда можно было кататься на конькахъ и на буерахъ, даже весело и жизнерадостно. Лѣтомъ развлекались плаваніемъ, и лодочнымъ спортомъ. Въ корпусѣ Владиміръ Федоровичъ преуспѣвалъ въ наукахъ математическихъ и церковномъ пѣніи. Съ увлеченіемъ участвовалъ также въ перечисленныхъ спортивныхъ упражненіяхъ и достигалъ въ нихъ значительнаго искусства и ловкости. Онъ участвовалъ также въ учебныхъ плаваніяхъ по финскому заливу и даже въ нѣмецкомъ морѣ, на пароходо-фрегатѣ „Смѣлый“.

Пріѣхавши на побывку въ Москву, онъ увидѣлъ прежнихъ товарищей по гимназіи, которыхъ началъ уже забывать; но которые встрѣтили его радушно и привѣтливо. Всѣ они поступали въ Университетъ, или готовились къ такому продолженію своего образованія. Онъ вспомнилъ, какъ многіе изъ нихъ еще въ дѣтствѣ сидѣли

съ нимъ на одной скамьѣ въ той же гимназiи, изъ которой его увезли такъ внезапно и противъ всякаго желанiя. И вотъ, имена и лица всѣхъ этихъ сверстниковъ, которые стали уже изглаживаться въ его памяти, успѣли превратиться въ преисполненныхъ надеждами юношей, бодро и смѣло вступающихъ въ тотъ храмъ науки, къ которому всѣ привыкли относиться съ благоговѣнiемъ, въ Московскiй Университетъ, въ атмосферу свѣтлыхъ идеаловъ, стремленiя къ истинѣ, къ совершенствованiю духа, словомъ ко всему тому, что наиболее дорого и цѣнно въ этой жизни, къ торжеству правды, добра, къ благосостоянiю человѣчества.

Это было въ 60-хъ годахъ, въ эпоху великихъ реформъ, въ пору общаго подъема и стремленiя къ самодѣятельности и самоусовершенствованiю, открывались необъятные горизонты новыхъ задачъ, созидательной работы. 18-ти лѣтнiй юноша возгорѣлся тѣми мечтами и идеалами, которые не могли изгладиться въ глубинѣ его души втеченiе 9-ти лѣтняго пребыванiя въ корпусъ и занятiя специальнымъ дѣломъ, которому онъ уже началъ себя посвящать. Всѣми силами своей юной, впечатлительной души устремился онъ къ первоисточнику знанiй и сразу рѣшилъ во чтобы то ни стало поступить въ Университетъ.

Втеченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ приготовился по латинскому языку, о которомъ онъ до того не имѣлъ никакого понятiя. Въ этомъ ему помогли товарищи его старшаго брата и въ числѣ ихъ довольно извѣстный впоследствии филологъ М. Е. Тихомировъ. Гимназисты, будущiе товарищи его по университету удивлялись его необычайной памяти и способности быстро воспринимать и усваивать прочитанное. Онъ могъ дословно повторять цѣлыя страницы, прочитанныя имъ всего одинъ разъ. Эта особенность сохранилась у него и въ зрѣломъ возрастѣ, въ периодъ

разцвѣта его блестящей дѣятельности, чему не разъ приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ. Достаточно было ему бѣгло просмотрѣть какую нибудь работу или статью и онъ могъ повторить почти буквально ея содержаніе и цитировать цѣлыя фразы и періоды изъ нея черезъ нѣсколько недѣль въ засѣданіи ученаго общества, на диспутѣ, или при научныхъ дебатахъ. Эта исключительная особенность всегда рѣзко отгвняла его необычныя природныя дарованія.

Интересно, что такую же особенностью отличался знаменитый въ свое время профессоръ нашего Университета Ѳ. И. Иноземцевъ. Современники его, Пр. Бабухинъ, Пр. Макѣевъ и мой покойный отецъ, близко знавшій его, нерѣдко вспоминали объ этомъ. „Пробѣжить онъ, рассказывали они, наскоро страницу или двѣ, случайно попавшаго подъ руки журнала или книгу, на ходу, не присаживаясь, какъ нибудь между двумя консультаціями, или поджидая кого нибудь, а тамъ, глядишь недѣли черезъ три повторяетъ слово въ слово; „когда мы уже успѣемъ совсѣмъ забыть, что и былъ такой случай“, прибавлялъ покойный Александръ Матвѣевичъ съ необычайнымъ для него оживленіемъ, какъ бывало всегда, когда при немъ вспоминали или говорили объ Иноземцевѣ.

Поступивши въ Университетъ, Владиміръ Ѳедоровичъ съ особеннымъ рвеніемъ принялся за изученіе наукъ биологическихъ. Цѣлыми днями просиживалъ онъ въ анатомическомъ театрѣ, работая до поздней ночи при скудномъ тогдашнемъ освѣщеніи и пользуясь даже сальными огарками, которые можно было приобрѣтать у служителя. Онъ скоро достигъ большаго искусства въ изготовленіи препаратовъ и къ его помощи стали прибѣгать его товарищи и врачи приходившіе экзаменоваться. Онъ съ голоса обучалъ ихъ и натаскивалъ передъ экзаменомъ. Онъ даже зарабатывалъ деньги, изготовляя для нихъ препараты и объясняя всѣ видимыя на нихъ подробности. За руку съ

нервами и сосудами платили 3 рубля, за ногу 5 рублей, а если жирная, то 8.

Такъ прошелъ первый курсъ, заложенъ былъ основательный анатомическій фундаментъ и выработалась привычка къ лабораторнымъ занятіямъ въ препаровочной. Лекціи по вспомогательнымъ естественнымъ наукамъ посъщались довольно аккуратно, слушателей тогда было мало и манкировать было не удобно. Медиковъ тогда не удручали естественными науками, хотя по ботаникѣ добивались умѣнія распознавать разныя преимущественно цѣлебныя растенія, на лекціяхъ показывали и *digitalis*, и *herba Absinthi*, и даже *Centauri majoris*. Другія, мнѣ не знакомыя, мудреныя названія я изъ рассказовъ не упомянулъ. Все это показывалось иногда въ свѣжемъ видѣ, но чаще на рисункахъ въ книгахъ и на таблицахъ. Иногда ходили къ естественникамъ въ химическую Лабораторію послушать блестящія лекціи Проф. Лясковаго и полюбоваться эффектнымъ опытами, которыми онѣ сопровождались.

На второмъ курсѣ молодой студентъ сразу попалъ въ ту среду, которая окончательно установила все направленіе его дальнѣйшаго образованія и даже всей послѣдующей научной жизни и дѣятельности.

Аудиторія, а затѣмъ кабинетъ Проф. А. И. Бабухина—вотъ то мѣсто, гдѣ родился и началъ создаваться Снегиревъ, какъ ученый, какъ Профессоръ и какъ знаменитый хирургъ, какъ врачъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ то время это былъ тотъ центръ, къ которому обращались взоры всѣхъ тѣхъ, кто стремился удовлетворить свою жажду біологическихъ знаній, погрузиться въ атмосферу научнаго біологическаго мышленія.

А запросы въ этомъ направленіи тогда были очень большіе: естественными науками интересовались всѣ. У всѣхъ свѣжо еще было въ памяти впечатлѣніе отъ блестя-

шихъ публичныхъ лекцій по зоологіи Проф. Рулье, на которыя съѣзжалась вся Москва. Своимъ мастерскимъ, увлекательнымъ изложеніемъ, вдумчивостью и глубиной обобщеній, этотъ удивительный лекторъ, природный ораторъ, оставилъ глубокое впечатлѣніе. А. И. Бабухинъ—разсказывалъ намъ, что, когда они съ Проф. Борзенковымъ пріѣхали за границу и услышали на лекціяхъ о новомъ тогда ученіи Дарвина, Борзенковъ обратилъ вниманіе, что все это кажется ему уже извѣстнымъ и что еще недавно они дорогой бесѣдовали на ту же тему. „Чего же ты удивляешься, отвѣтилъ ему Александръ Ивановичъ, развѣ ты не помнишь, что мы вмѣстѣ съ тобой слушали Рулье, а вѣдь это былъ ученикъ Ламарка“. Примѣчательно, что Рулье былъ по образованію своему врачъ и даже написалъ диссертацию о геморроѣ. Природныя дарованія и врожденное стремленіе къ обобщающему мышленію сдѣлали изъ него истиннаго естествоиспытателя, удивлявшаго проникновенностью своего мышленія.

Аудиторія Александра Ивановича Бабухина, находившагося въ то время въ полномъ разцвѣтѣ своей научной и преподавательской дѣятельности всегда была переполнена. Студенты другихъ факультетовъ, врачи, доценты и даже Профессора не взирая на тѣсноту помѣщенія, жару и духоту, выстаивали двухъ часовую безъ перерыва лекцію, любясь его умѣніемъ въ самой простой и удобопонятной формѣ объяснять сложныя и запутанныя явленія изъ физики, біологіи, или микроскопіи. Онъ съ одинаковой ясностью, наглядно объяснялъ измѣненія свѣтоваго луча при поляризаціи, развитіе и окостенѣніе хряща, или строеніе сѣтчатой оболочки глаза. Остроумныя и мѣткія сравненія рисовали цѣлыя картины, навсегда врѣзывавшіяся въ память. Прослушавши его каждый не только усваивалъ и понималъ въ чемъ дѣло; но и пріобрѣталъ способность съ такою же убѣдительностью и настойчивостью объяснять

другому то, что онъ усвоилъ, и даже начиналъ думать, что это его собственное мнѣніе или сужденіе. Умѣніе достигать исчерпывающей наглядности при демонстраціяхъ, популярно и общедоступно объяснять свои мысли многимъ напоминало изложеніе свойственное Тиндалю, котораго самъ Александръ Ивановичъ считалъ наилучшимъ образцомъ для научной популяризаціи. Возможно, что и самъ онъ старался ему подражать.

Въ лабораторіи Профессора, обычно называвшейся кабинетомъ, гдѣ онъ и самъ находился цѣлый день, все время шла кипучая дѣятельность и работа. Точное знаніе, выработанное на западѣ, здѣсь было перенесено въ лоно Московскаго Университета и пустило здѣсь новые ростки, а характерный для того времени общій подъемъ и возрожденіе привлекали сюда всякаго, кого интересовало реальное знаніе въ этой области.

„Появленіе Бабухина на кафедрѣ, демонстрація имъ изящныхъ, поучительныхъ препаратовъ подъ микроскопомъ составляло новостъ не только для насъ студентовъ, но и для Профессоровъ Медицинскаго факультета. Цѣлыми гурьбами ходили они смотрѣть на новое, невиданное ими. И молодые ассистенты посылались на обученіе къ Бабухину, равно какъ и цѣлыя плеяды врачей и молодыхъ и старыхъ ¹⁾).

Здѣсь производились спеціальныя работы писались диссертаци, обсуждались подробности, производилась детальная, всесторонняя критика всего что получалось при опытахъ, или удавалось найти въ литературѣ. Особенность этой работы, проводившаяся съ полною неуклонностью, была доводить всякое дѣло, въ мельчайшихъ его подробностяхъ до самаго конца и не останавливаться ни передъ какими препятствіями, а искать и добиваться ихъ устра-

¹⁾ В. Ф. Снегиревъ. Рѣчь въ Засѣданіи Физико-Медицинскаго Общества въ 1910 году.

ненія. Достигнувъ хорошаго нельзя было удовольствоваться, надо было добиваться лучшаго, и, добивались.

Можно было видѣть терапевтовъ, съ крупными въ слѣдствіе именами, дѣлающихъ сложныя хирургическія операціи, напр., быстро и умѣло отыскивающихъ *nervus splanchnicus* въ почечной области у собаки; невропатологовъ, дѣлающихъ резекціи и анастомозы кишекъ, или накладывающихъ фистулу Thiery. Дѣлалось все это конечно по потребностямъ спеціальныхъ работъ для диссертаций, но дѣлалось и удавалось какъ и многое другое въ условіяхъ очень скромныхъ и даже первобытныхъ. Много лѣтъ спустя уже въ новомъ помѣщеніи, но въ томъ же кабинетѣ я самъ видѣлъ какъ докторъ (Рымвидъ-Мицкевичъ) научился самъ вытачивать и править бритву для тонкихъ разрѣзовъ гладкихъ мышцъ. Рѣзать ему надо было свѣжіе препараты, затвержденные только окоченѣніемъ, мочить бритву можно было только соленой водой и рѣзать прямо отъ руки. При такихъ условіяхъ обычное вытачиваніе бритвы оказалось недостаточно: когда ее приносили отъ мастера сдѣлать срѣза не было возможности—она оказывалась недостаточно острой. Пришлось выучиться точить бритву самому и тогда стали получаться препараты, на которыхъ можно было видѣть сарколемму на волокнахъ гладкихъ мышцъ, которую раньше не видѣли. Получилась хорошая работа и прекрасная диссертация.

Такая постановка лабораторныхъ занятій подъ непосредственнымъ руководствомъ и постояннымъ наблюдениемъ учителя являлась прекрасной школой и имѣла огромное воспитательное значеніе. Постоянное общеніе съ этимъ проникновеннымъ, привыкшимъ, умѣющимъ, и думать, и наблюдать, европейскимъ ученымъ накладывало особый отпечатокъ и оказывало вліяніе на всю жизнь и дѣятельность cadaго, кому пришлось поработать подъ его руководствомъ.

Покойный Владиміръ Федоровичъ такъ выразился объ этой сторонѣ вліянія Александра Ивановича Бабухина.

„Счастливъ тотъ, кто учился у него, кто пользовался его сообществомъ, ибо онъ скажетъ: Лучъ солнца правды блестяль на немъ, духъ истины и творчества царствовалъ въ немъ“¹⁾.

Самъ Владиміръ Федоровичъ не только учился у Бабухина и не только пользовался его сообществомъ, но онъ былъ любимымъ его ученикомъ и, что много важнѣе, его другомъ и многое отъ него перенялъ.

И въ отношеніи къ наукѣ, къ неустанной и настойчивой работѣ, и въ отношеніи къ родному Университету, много было у нихъ общаго.

Объ отношеніи Бабухина къ Университету Владиміръ Федоровичъ выразился такъ: „Повидимому, да и пожалуй, вѣрно, для него не существовало другого храма, кромѣ храма науки, и какъ вмѣстилище для этого храма, Московскій Университетъ.

„Московскій Университетъ былъ его честью, любимымъ существомъ, которое онъ съ нѣжностью оберегалъ защищалъ и насаждалъ“.

Много общаго въ томъ что они оба сдѣлали для родного Университета, хотя вылилось это въ различныя формы.

На третьемъ курсѣ лабораторныя занятія пришлось сократить, присоединились занятія въ клиникахъ; а на двухъ послѣднихъ курсахъ клиники заняли всецѣло все время и заходить въ кабинетъ гистологіи можно было только урывками, въ свободное время. Но и такія кратковременныя посѣщенія и постоянное общеніе съ нимъ много помогли Владиміру Федоровичу при практическомъ изученіи Патологической Анатоміи. Здѣсь онъ находилъ объясненіе отдѣльныхъ фактовъ и наблюденій, выясненіе

¹⁾ Ibid.

возникавшихъ сомнѣній. Это дало ему возможность основательно ознакомиться за это время съ макроскопической и микроскопической Патологіей и впоследствии очень пригодилось при дальнѣйшей его дѣятельности.

Въ клиникахъ занятія въ это время находились въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Малое число студентовъ, курсъ былъ около 50 человѣкъ, давало возможность каждому получать одновременно по нѣсколько больныхъ для наблюденія. Бывали случаи, когда на 5-мъ курсѣ у одного студента набиралось до 17-ти больныхъ, у которыхъ онъ былъ кураторомъ.

На 4-мъ курсѣ центромъ клиническаго обученія являлась факультетская клиника Проф. Захарьина, тогда только что вернувшагося изъ-заграницы и проводившаго строго-научное всестороннее клиническое изслѣдованіе, подробный разборъ всѣхъ симптомовъ и ихъ значенія. Здѣсь ставилась тонкая діагностика, провѣряемая и обыкновенно подтверждаемая научно обставленными аутопсіями, дѣлалась всесторонняя оцѣнка показаній и назначалось строго обдуманное лѣченіе. Словомъ, здѣсь велись тѣ клиническіе разборы и лекціи, на которыхъ научилось столько врачей и которыя составили громкое имя и славу этого учителя. Его вѣра въ значеніе терапевтическихъ средствъ была такъ велика, что каждая доза лѣкарства, каждый стаканъ минеральной воды, и даже его температура подвергались долгому и продолжительному обсужденію; мотивировка давалась такая убѣдительная и исчерпывающая, что и сейчасъ многіе врачи, получившіе образованіе во время почти пятидесятилѣтней преподавательской дѣятельности этого знаменитаго клинициста пользуются его логикой, его принципами, тѣмъ чему они отъ него сьумѣли научиться.

Студенты того времени всецѣло почерпали все свое медицинское мышленіе, врачебную логику, часто даже

приемы обращенія съ больными въ этой образцовой клиникѣ, слава коей гремѣла на всю Россію.

Новая и вполнѣ современная, на одномъ уровнѣ съ западомъ постановка клиническаго дѣла была заботою и другихъ дѣятелей того времени. Многимъ въ этомъ направленіи обязанъ нашъ факультетъ Проф. Н. А. Толскому. Тогда не было еще отдѣльныхъ клиникъ по спеціальнымъ отдѣламъ и клиника Дѣтскихъ болѣзней еще не составляла отдѣльнаго предмета преподаванія. Николай Алексѣевичъ въ то время преподавалъ акушерство, потому что В. И. Кохъ уже заканчивалъ свою дѣятельность. Лекціи Толскаго снискали ему славу прекраснаго лектора и выдающагося оратора. Этотъ опытный, глубокообразованный клиницистъ приложилъ много старанія и энергіи, сдѣлалъ многое для развитія и улучшенія постановки клиническаго преподаванія въ нашемъ университетѣ. Владиміръ Федоровичъ многое воспринялъ отъ него и всегда съ благодарностью вспоминалъ о томъ значеніи, которое онъ имѣлъ для его образованія и даже въ направленіи его спеціальной медицинской и преподавательской дѣятельности.

По окончаніи курса Владиміръ Федоровичъ сохранилъ интересъ къ анатоміи, нормальной и патологической, области въ которой какъ мы уже говорили онъ успѣлъ пріобрѣсти точныя и реальныя познанія. Онъ охотно занялъ мѣсто и сталъ исполнять обязанности Прозектора въ Яузской Больницѣ для чернорабочихъ, гдѣ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ занялся пополненіемъ своихъ знаній въ особенно интересовавшей его области. Однако, настойчивая ежедневная работа въ секціонномъ зданіи при довольно примитивныхъ условіяхъ тогдашняго времени и большое число вскрытій, которыя ему приходилось дѣлать привели къ тому, что здоровье молодого врача оказалось несостоятельнымъ. У него появилось кровохарканіе и обнаружались признаки верхушечнаго про-

цесса, заставившіе его остановить анатомическія занятія. Впрочемъ, послѣ непродолжительнаго отдыха здоровье его, отъ природы несомнѣнно могучее, возстановилось довольно скоро и онъ поступилъ врачомъ въ Родовспомогательное Заведеніе при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ, въ тоже самое Вѣдомство Императрицы Маріи, стипендіатомъ коего онъ былъ въ дѣтствѣ, когда воспитывался на казенный счетъ.

Заведеніе это въ то время находилось всецѣло въ нѣмецкихъ рукахъ. Съ самаго основанія его не только Директоръ, но и всѣ старшія должности занимались здѣсь нѣмцами, воспитанниками Юрьевского, тогда еще Дерптскаго Университета. Порядки здѣсь были своеобразные, установившіеся прочно и устойчиво. Считалось, что о наукѣ можно говорить только на нѣмецкомъ языкѣ. Не допускалось и мысли, чтобы пособія или врачебныя дѣйствія, равно какъ и занятіе штатной должности могло быть предоставлено русскому врачу. Даже разговоръ между старшими всегда происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ. Къ ломаному русскому языку прибѣгали только при обращеніи къ служительскому персоналу, или чтобы распечь, и выругать сидѣлку. Къ врачамъ совсѣмъ не понимавшимъ нѣмецкой рѣчи обращались свысока, съ надменною снисходительностью перемѣшивая искаженныя русскія слова съ нѣмецкими. Выработывался особый жаргонъ, который непривычный человѣкъ могъ принять за иностранный языкъ, привычкой устанавливалась особая терминологія: поворотъ назвался верзія, извлеченіе экстракція, осложненіе компликація, плодная жидкость фруктовая вода и т. п.

Занятія въ Родовспомогательномъ Заведеніи дали нашему молодому врачу возможность наблюдать много акушерскихъ случаевъ, нормальныхъ и патологическихъ; а многіе спеціально женскія заболѣванія, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло, привлекли его особое вниманіе и

онъ занялся подробнымъ ихъ изученіемъ и наблюденіемъ. Плодомъ этихъ занятій и сознательнаго къ нимъ отношенія явилась его диссертация о темномъ и довольно загадочномъ, въ то время, заболѣваніи, о позадиматочномъ кровоизліяніи въ брюшную полость ¹⁾.

Въ то время не знали еще, что явленіе это зависитъ отъ несвоемѣстной беременности и думали, что оно происходитъ вслѣдствіе простаго разрыва сосудовъ, вродѣ апоплексіи. Но и тогда знали, что излившаяся кровь подвергается инфекціи и получается нагноеніе и что въ этомъ заключается жизненная опасность. Заслуга докторанта состояла въ томъ, что онъ вполне твердо и опредѣлительно высказался, что „лѣченіе этой болѣзни должно быть хирургическое, что доказывается статистикой съ критическимъ разборомъ“ случаевъ и литературныхъ данныхъ. За много лѣтъ предугадалъ онъ, гдѣ лежитъ центръ тяжести при постановкѣ показаній для лѣченія этой болѣзни. Теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что показанія эти должны быть оперативныя, а основаніемъ для этого служитъ опасность инфекціи и ея послѣдствій. Столь же мужественно и рѣшительно высказался онъ о томъ, что опасаться оперировать на брюшинѣ нѣтъ основаній и что опасность здѣсь можетъ и должна быть устранена.

Большое прилежаніе, добросовѣстная работа, умѣніе пользоваться иностранной литературой на всѣхъ языкахъ, въ томъ числѣ и англійскомъ, обоснованность и опредѣленность сужденій и выводовъ въ представленномъ имъ ученюмъ трудѣ, внушили довѣріе къ молодому ученому и онъ по предложенію Директора Родовспомогательнаго Заведенія Hugenbergер и его помощника, старшаго врача Расторова (пишется также: Rastorhof) былъ команди-

¹⁾ В. Снегиревъ. Къ вопросу объ опредѣленіи и лѣченіи позадиматочного кровоизліянія (*haematocoele seu apoplexia retrouterina intraperitonealis*) Диссертация. Москва 1873.

рованъ отъ Воспитательнаго Дома за границу и по преимуществу въ Англию и Шотландію „для изученія Оперативной Гинекологіи и въ частности для изученія оваріотоміи и чревосѣченія.

Заграницей Владиміръ Федоровичъ пробылъ болѣе года. Учился главнымъ образомъ у Sir Spencer Wells, посѣщаль лекціи Robert Barnes, Graily Hewitt въ Лондонѣ; у J. Matthews Duncan, у Joseph Lister и у Thomas Keith въ Эдинбургѣ. Оттуда вернулся на континентъ и учился въ Парижѣ у Réan операциі удаленія фибромъ. Изъ Парижа проѣхалъ въ Фрейбургъ (въ Брейсгау) къ проф. Neget и посѣщаль его клинику и лекціи.

Онъ находился еще заграницей когда получилъ извѣстіе, что Факультетъ избралъ его на вновь учрежденную Доцентуру женскихъ болѣзней въ Московскомъ Университетѣ.

Вернувшись въ Москву онъ началъ преподаваніе Гинекологіи вступительной лекціей, прочитанной 22-го января 1875 года подъ заглавіемъ *объ оваріотоміи*. На эту публичную лекцію собралось много народа: лектора уже знали, помнили успѣхъ его докторскаго диспута. Симпатичная, внушающая довѣріе внѣшность, внятная звучная рѣчь, вразумительное, толковое, убѣдительное изложеніе, картинныя, живыя сравненія, новизна предмета и жизненное его значеніе привлекли вниманіе къ этому молодому Доценту и эта первая его лекція была его праздникомъ и крупнымъ успѣхомъ. Лекціей заинтересовались всѣ, и въ факультетѣ, и въ городѣ, гдѣ она долго служила предметомъ разговора.

На этой лекціи онъ не только убѣдилъ всѣхъ, что въ данный моментъ обходиться безъ клиническаго преподаванія Гинекологіи представляется уже не возможнымъ, совершенно такъ же, какъ невозможнымъ сдѣлалось обходиться безъ этой жизненно-необходимой отрасли хирургіи.

Изучать и преподавать этотъ отдѣлъ Медицинскихъ знаній на амбулаторныхъ больныхъ не допустимо, ибо исключаетъ возможность настоящей хирургической помощи.

На эту настоятельную нужду преподаванія Гинекологіи первымъ откликнулся Проф. Захарьинъ. Онъ сразу понялъ, что „разъ есть спеціальныя женскія болѣзни, которыя мы лѣчить не можемъ и не умѣемъ, то нужно такихъ больныхъ куда нибудь посылать для помощи“; а слѣдовательно необходимо мѣсто куда можно было бы ихъ посылать. Безъ этого университетская клиника, а тѣмъ болѣе факультетская, не можетъ быть во всеоружіи, въ компетенціи ея является пробѣлъ и она перестаетъ быть послѣдней инстанціей, слѣдовательно не будетъ уже стоять на надлежащей ей высотѣ, требуемой достоинствомъ преподаванія.

Исходя изъ такихъ соображеній и заботясь объ организаціи клиническаго преподаванія, къ которому онъ не могъ относиться иначе какъ съ большимъ вниманіемъ онъ предложилъ отдѣлить отъ факультетской терапевтической клиники 4 койки и передалъ ихъ молодому Доценту для преподаванія женскихъ болѣзней, факультетъ присоединилъ къ этому отдѣльному сверхштатнаго ординатора.

Съ этого маленькаго ядра зародилась клиническая дѣятельность Владиміра Федоровича и здѣсь началась его научная клиническая работа. Въ этихъ скромныхъ условіяхъ удалось ему изучить и выработать методы лѣченія, замѣчательные по простотѣ и общедоступности, совершенно новые по тому освѣщенію и объясненію, которое онъ сумѣлъ имъ дать. Методы эти и сейчасъ носятъ его имя и извѣстны каждому. Многіе, и даже врачи учившіеся въ то время, недостаточно ознакомившіеся съ послѣдующею его дѣятельностью и съ тѣмъ, чего онъ въ ней достигъ, и сейчасъ еще иногда думаютъ, что вся слава

и значеніе этого выдающагося учителя основана на изобрѣтенномъ имъ тогда постоянномъ орошеніи, на умѣломъ пользованіи горячими спринцованіями и мѣшкомъ со льдомъ; на изобрѣтеніи прижиганія паромъ и т. п., такъ называемыхъ Снегиревскихъ методахъ. Онъ сдѣлалъ нѣчто большее: онъ заставилъ русскаго врача полюбить и изучать гинекологию, добиваться дѣйствительной постановки этого дѣла на той высотѣ, которая соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ брюшной хирургіи. Мы должны гордиться не только тѣмъ, что онъ достигъ этого самъ, но и тѣмъ, что тогоже достигли и продолжаютъ достигать его многочисленные ученики въ самыхъ глухихъ углахъ нашего обширнаго отечества, при примитивныхъ условіяхъ ихъ трудной и святой работы.

Все это зародилось здѣсь около этихъ 4-хъ коекъ, отдѣленныхъ покойнымъ проф. Захарьинимъ и отсюда пошла та гинекологія, которая такъ нужна русскому народу, та брюшная хирургія, которая такъ необходима ему на мѣстахъ, отрѣзанныхъ отъ центровъ условіями нашей жизни, неизмѣримыми разстояніями, несовершенствомъ путей сообщенія. Здѣсь скромные дѣятели, отрѣзанные природными условіями отъ центровъ цивилизаціи черпали вѣру въ свое дѣло, довѣріе къ своимъ силамъ и знаніямъ, стойкость и настойчивость для исполненія своего долга передъ родиной, передъ обездоленнымъ суровыми условіями жизни ея труженикомъ, темнымъ хлѣборобомъ.

Попытаемся взглянуть и перечислить чѣмъ и какъ удалось этого достигнуть покойному проф. Снегиреву.

Клиническое обученіе было начато имъ всетаки на амбулаторныхъ больныхъ. Въ тѣсномъ помѣщеніи, предназначенномъ для крещенія младенцевъ въ старой акушерской клиникѣ на Рождественкѣ, въ самой скромной обстановкѣ новому Доценту удалось выработать такой наглядный разборъ больныхъ, съ такимъ искусствомъ,

настойчивостью, планомѣрностью и послѣдовательностью вести его, что заключенія и выводы логически вытекали изъ него; діагностика и лѣченіе выяснялись и напрашивались сами собою. Каждому дѣлалось ясно въ чемъ дѣло и что нужно дѣлать и каждому казалось, что къ такому именно заключенію онъ пришелъ самъ и что ничего другого здѣсь и быть не можетъ.

Планъ и система разспроса были переняты у Захарьина, остальное явилось слѣдствіемъ дарованія и точныхъ научныхъ знаній новаго профессора. Впослѣдствіи уже обладая обширнымъ стаціонарнымъ матерьяломъ въ двухъ созданныхъ имъ клиникахъ Владиміръ Ѳедоровичъ всегда отводилъ большое мѣсто значенію амбулаторныхъ больныхъ для преподаванія. На нихъ научился онъ самъ своему клиническому разбору, сдѣлавшемуся основаніемъ всего его преподаванія, приковывавшему вниманіе на его клиническихъ лекціяхъ, удивлявшаго всѣхъ своей простотой, логичностью и законченностью.

Но одного разбора и постановки діагностики для преподаванія было мало. Надо было разумно и цѣлесообразно не только назначить лѣченіе, но и провести его такъ, какъ этого требуетъ самое дѣло. Въ палатѣ терапевтической клиники и въ прилегающемъ къ ней, хотя и свѣтломъ, но проходномъ корридорѣ, можно было дѣлать только немногія болѣе мелкія хирургическія пособія. Чревосѣченія дѣлать было затруднительно, и эта операція здѣсь сдѣлана была только одинъ разъ. Исторически, это былъ первый случай лапоротоміи въ зданіи клиникъ на Рождественкѣ. Это была овариальная киста, все обошлось благополучно и больная скоро выздоровѣла. (Въ хирургической клиникѣ въ томъ же зданіи чревосѣченій тогда не дѣлалось. Все это появилось только впослѣдствіи уже при Н. В. Склифасовскомъ; которому была приспособлена особая операціонная комната для этого дѣла).

Настоятельная необходимость хирургическаго лѣченія женскихъ болѣзней выступала все рѣзче и Владиміръ Федоровичъ рѣшился открыть собственную частную лѣчебницу специально для лѣченія оперативныхъ больныхъ, потому что этой потребности предоставленныя ему 4 койки удовлетворить не могли. Лѣчебница эта съ незначительными перерывами просуществовала въ различныхъ наемныхъ квартирахъ вплоть до постройки и оборудованія новой клиники на Дѣвичьемъ полѣ. Въ лѣчебницѣ этой дѣлалось много операций со вскрытіемъ брюшной полости. Больныя поступали туда изъ частнаго приема профессора и изъ амбулаторіи клиники, въ послѣднемъ случаѣ, конечно, бесплатныя. Инструменты были его собственные, привезенные при заграничной поѣздкѣ, а помогали врачи и слушатели студенты, которые охотно оставались дежурить у трудныхъ больныхъ, научались слѣдить за осложненіями и предупреждать опасныя явленія. Профессоръ навѣщалъ лѣчебницу нѣсколько разъ въ день, заѣзжалъ въ нея иногда даже поздною ночью. Дѣло шло дружно, всѣ относились къ нему бодро и жизнерадостно, не боясь и не уклоняясь ни отъ какой, даже черной работы.

Многіе врачи стали посѣщать эту лѣчебницу, чтобы посмотреть ея организацію, поучиться производству операций, или посоветоваться съ молодымъ профессоромъ, довѣріе къ коему все возросло. Больничные врачи тоже стали обращаться къ нему за совѣтомъ по поводу трудныхъ случаевъ, стали приглашать его для выясненія своихъ сомнѣній, или для производства болѣе трудныхъ операций въ больницѣ. Такъ, самою силою вещей, онъ сдѣлался консультантомъ въ Старо-Екатерининской и Басманной больницахъ. Туда къ нему на операции тоже приходили учиться и студенты, и врачи.

Въ Басманной больницѣ имъ даже была построена особая, образцовая оперативная комната съ огромнымъ

зеркальнымъ окномъ пожертвованнымъ ему для этой цѣли купцомъ П. Г. Шелапутинымъ и была учреждена бесплатная койка его имени, обеспеченная, насколько помню, имъ самимъ особымъ капиталомъ. Операціонная эта въ то время считалась одной изъ первыхъ въ Москвѣ по своему устройству и удобству.

Лѣтомъ оперативная дѣятельность молодого хирурга не прерывалась. Она даже расширялась, потому что рядомъ съ своей усадьбой, или дачей на Окѣ, онъ нанималъ у сосѣда большой двухъ этажный домъ, въ которомъ помѣщались больные по всѣмъ отдѣламъ хирургіи. Здѣсь ежедневно производилось множество разнообразныхъ операцій. Помогали ему пріѣзжавшіе сюда и проживавшіе у него врачи и студенты. Сюда же переѣзжали на лѣто сидѣлки и фельдшерница изъ московской лѣчебницы. Кромѣ того онъ много оперировалъ въ земской больницѣ сосѣдняго города Алексина. Тамъ дѣло это въ послѣдствіи такъ расширилось, что пришлось построить два специально хирургическихъ барака, открывавшіеся на лѣтнее время. Построены они были на средства пожертвованныя Владиміромъ Федоровичемъ и П. Г. Шелапутинымъ. На лѣто сюда пріѣзжали врачи и сидѣлки изъ Москвы. Больные съѣзжались изъ окрестныхъ губерній. Много тутъ было всякаго бѣднаго люда, съѣзжавшагося издалека и всѣ они находили надлежащую хирургическую помощь и возможное исцѣленіе.

Занятіе общей хирургіей, къ чему Владиміръ Федоровичъ относился съ большимъ увлеченіемъ много способствовали расширенію его хирургическаго кругозора и многому его научили. Случаи протекали благоприятно вслѣдствіе пребыванія больныхъ на свѣжемъ воздухѣ, обилія солнечнаго свѣта и хорошаго провѣтриванія на берегу большой рѣки съ ея лѣсистыми живописными берегами.

Бараки, какъ уже сказано было, были выстроены и оборудованы на пожертвованія разныхъ лицъ и на собст-

венныя средства Владиміра Федоровича, содержались они тоже на его средства. Но все это относится уже къ позднѣйшей его дѣятельности. Заботы его объ удовлетвореніи многихъ нуждъ этой мѣстности и многолѣтняя медицинская помощь населенію послужили поводомъ къ избранію его почетнымъ гражданиномъ—города Алексина.

Но вернемся къ нашему молодому Доценту. Въ Москвѣ дѣятельность его продолжала расширяться. Образовалась обширная практика, но онъ съ тою же энергіей и привычной ему работоспособностью продолжалъ отдавать главное вниманіе своему клиническому преподаванію и расширившейся хирургической дѣятельности. При введеніи новаго устава въ 1884 году онъ былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора.

Около этого времени ему случилось помочь при тяжелой болѣзни близкой родственницѣ Мануфактуръ Совѣтника Т. С. Морозова.

Этотъ, выдающійся своимъ дарованіемъ, вышедшій изъ крестьянства, простой русскій человѣкъ, своею природною сметливостью, врожденнымъ умомъ и талантомъ съумѣлъ создать одно изъ крупнѣйшихъ въ Россіи мануфактурныхъ предпріятій, поставить и держать его на высотѣ наиболѣе благоустроенныхъ, однородныхъ предпріятій за-границей. Суровыя условія, въ которыхъ онъ начиналъ свою жизнь и дѣятельность, выработали въ немъ большую наблюдательность, умѣніе распознавать людей; а какъ старообрядецъ онъ привыкъ относиться къ нимъ такъ же строго, какъ и къ самому себѣ. Украшенное львиною гривой сѣдыхъ кудрей, окаймленное сѣдою, окладистою бородою, умное и привѣтливое лицо этого типическаго представителя великорусской расы съ его голубыми глазами невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе каждаго своей строго выдержанной, осанистой красотой. Съ 1889 года портретъ его украшаетъ аудиторію, построенной имъ

гинекологической клиники, носящей его имя. Во время лекцій слушатели имѣютъ его передъ глазами. Входя въ аудиторію я привыкъ съ уваженіемъ и признательностью взглянуть на этотъ портретъ и вспоминаю то, что рассказывалъ мнѣ покойный Владиміръ Федоровичъ о постройкѣ этой клиники, въ которой успѣла протечь почти вся моя жизнь.

Вотъ, что рассказывалъ мнѣ мой покойный учитель. Покойный Тимошей Саввичъ, привыкшій вникать во всякое дѣло, присмотрѣлся къ условіямъ его работы и отнесся къ ней съ большимъ довѣріемъ, глубоко опечалился. По окончаніи лѣченія больной, онъ сталъ размышлять, чѣмъ бы онъ могъ отблагодарить его за оказанную имъ помощь и за сердечное безкорыстное отношеніе къ больнымъ, которое не ускользнуло отъ вниманія этого наблюдательнаго человѣка. Онъ предложилъ Владиміру Федоровичу купить, или выстроить отдѣльный домъ и оборудовать въ немъ современно обставленную большую лѣчебницу, которая могла бы сдѣлаться достойной рамкой для его хирургической дѣятельности. Предполагалось затратить на это дѣло тысячъ полтора, или сколько потребуется; а затѣмъ передать все въ полную собственность молодого хирурга, дабы онъ могъ развить свою дѣятельность такъ, какъ онъ понимаетъ это дѣло и очевидно, сѣумѣетъ поставить. Владиміръ Федоровичъ былъ тронутъ отзывчивостью и деликатностью этого человѣка, котораго узналъ такъ недавно; но тотчасъ отказался отъ этого проэкта, который счелъ совершенно неприемлемымъ. Недопустимо, отвѣтилъ онъ, чтобы въ такомъ серьезномъ дѣлѣ можно было отдать предпочтеніе переходящему благосостоянію и удобствамъ отдѣльнаго человѣка, когда Россіи такъ нужны свѣдущіе работники въ этой области и когда главный разсадникъ этихъ свѣдѣній, которыми мы всѣ живемъ, Московскій Университетъ еще не имѣетъ для этого клиники. Неужели

этимъ можемъ мы отплатить русскому народу за все то, что мы отъ него получили.

Эти большіе люди сразу поняли другъ друга и вскорѣ появилась та клиника, которую мы всѣ знаемъ и которая обоглась не одну сотню тысячъ. Университетъ приобрѣлъ большое, образцовое учрежденіе, а молодой хирургъ полную возможность развивать свое дѣло и довести его до той высоты и продуктивности, которымъ мы столько лѣтъ привыкли удивляться.

Время, когда вопросъ о постройкѣ гинекологической клиники былъ принципиально рѣшенъ, совпало какъ разъ со временемъ давно рѣшенной постройки новыхъ клиникъ на Дѣвичьемъ полѣ.

Факультетъ былъ озабоченъ составленіемъ плановъ для постройки этого новаго грандіознаго учрежденія на огромномъ участкѣ земли, уступленномъ Университету городомъ. Рѣшено было командировать за границу особую комиссію для осмотра новѣйшихъ построекъ этого рода и особенностей ихъ оборудованія. Въ комиссію эту вошли, кромѣ Университетскаго архитектора Академика Быковскаго, два члена факультета: Проф. Ф. Ф. Эрисманъ, какъ представитель гигиены и санитаріи и проф. В. Ѳ. Снегиревъ, какъ представитель интересовъ клиницистовъ. Комиссія эта объѣхала и осмотрѣла много новыхъ клиническихъ учреждений, въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Великобританіи. Владиміръ Ѳедоровичъ былъ дѣятельнымъ ея членомъ и далъ много цѣнныхъ указаній въ особенности для постройки клиникъ хирургическихъ и специальной ихъ потребности, допускать изоляцію отдѣльныхъ помѣщеній въ случаѣ появленія заразныхъ заболѣваній. Принципъ этотъ строго былъ проведенъ при постройкѣ гинекологической клиники, которая можетъ быть раздѣлена на четыре, совершенно изолированныя, части съ отдѣльными выходами.

Въ новой клиникѣ хирургическая дѣятельность покойнаго профессора достигла полного своего расцвѣта.

Дѣлалось много разнообразныхъ операцій, много было случаевъ исключительной трудности: они присылались изъ далека врачами, когда необходимая операція казалась имъ не по силамъ. Это значительно увеличивало опытность этого, теперь уже приобрѣвшаго авторитетъ и огромное довѣріе, первокласнаго учителя.

Постепенно выработывались новые оперативные методы, усовершенствовались старыя, производились научно-обставленные наблюденія клиническихъ случаевъ, дѣлались доклады въ обществахъ и на сѣздахъ, писались ученые труды и монографіи.

Въ 1894 году когда нужды клиническаго обученія въ Университетѣ были уже обезпечены. Павелъ Григорьевичъ Шелапутинъ, сдѣлавшійся другомъ покойнаго Профессора задумалъ основать при Московскомъ Университетѣ учебное учрежденіе, устройство и веденіе котораго онъ просилъ Владиміра Федоровича взять на себя. Предназначалось оно для пополненія и расширенія образованія молодыхъ врачей. Задачи представлялись самыя широкія. Предполагалось первоначально, что молодые люди будутъ жить въ этомъ учрежденіи и втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ пополнять свое образованіе по всѣмъ отраслямъ знанія, обучаться иностраннымъ языкамъ, прикладнымъ искусствамъ, можетъ быть даже верховой ѣздѣ, фехтованію и всему тому, что можетъ способствовать развитію ловкости и отчетливости всякихъ движеній. Имѣлось въ виду учредить обширную библіотеку, научную и по изящной литературѣ. Для начала рѣшено было ограничиться учрежденіемъ для изученія врачами женскихъ болѣзней и брюшной хирургіи. По мѣрѣ развитія дѣла имѣлось въ виду постепенное расширеніе этихъ заданій и въ первую очередь присоединить новое отдѣле-

ніе, для усовершенствованія и обученія полостной хирургіи вообще: хирургіи легкихъ и плевральныхъ полостей, хирургіи сердца и его сумки, хирургіи арахноидальной полости. Со временемъ учрежденіе это должно было включить въ кругъ своей образовательной дѣятельности всѣ области хирургіи и медицины, а также всѣ вспомогательныя и общеобразовательныя науки, для чего могли бы быть созданы необходимыя лабораторіи и построены обширныя зданія. Въ такомъ видѣ учрежденіе это являлось бы мѣстомъ, гдѣ можно было бы продолжать специальное образованіе и пополнять общее, уже по окончаніи Университетскаго курса. Это могло бы даже замѣнить поѣздки за границу ради специального обученія. Однако, задачи этихъ мечтаній оказались слишкомъ обширными: выполнить это сразу и даже въ ближайшее время было непосильно, пришлось начать съ болѣе скромнаго начала и отложить полное осуществленіе до болѣе отдаленнаго будущаго. На первое время было рѣшено построить и открыть Гинекологическое клиническое учрежденіе, обставленное всѣмъ необходимымъ. Городъ отвелъ участокъ земли противъ гинекологической клиники, на краю сквера, на Дѣвичьемъ полѣ. Зданіе было спроектировано и построено талантливымъ архитекторомъ Р. И. Клейномъ въ стилѣ итальянскаго ренесанса съ большимъ балкономъ и двумя колоннами на фасадѣ.

Со дня открытія этого учрежденія, въ весеннемъ семестрѣ 1896 года въ него стали съѣзжаться врачи, по преимуществу земскіе и занимались здѣсь одинъ или два семестра. Клиническое обученіе велось Директоромъ Проф. В. Ѡ. Снегиревымъ и кромѣ того Профессорами и Приватъ Доцентами Университета велись специальные курсы: по анатоміи тазовыхъ органовъ, по патологіи и бактеріологіи, по оперативной гинекологіи съ занятіями на трупахъ, по оперативному акушерству съ занятіями на

фантомъ, по діагностикѣ брюшныхъ опухолей, по уходу за больными послѣ операций и борьбѣ съ ихъ осложненіями.

Ученые труды маститаго Профессора отличаются разнообразіемъ, затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, жизненнымъ и практическимъ своимъ значеніемъ для удовлетворенія насущныхъ нуждъ, ясностью и простотою изложенія. Все, что было имъ написано, читается чрезвычайно легко.

Доклады и рѣчи, которыя были имъ приносимы, въ обществахъ, на съѣздахъ, при открытіи созданныхъ имъ учрежденій, на юбилеяхъ, при радостныхъ и при горестныхъ событіяхъ, а также въ Засѣданіяхъ Факультета и Совѣта всегда отличались убѣдительностью, продуманностью, глубиною мысли и умѣніемъ точно ее выразить. Произносилось все это внятнѣмъ голосомъ, дышало искренностью, а красивая форма его рѣчи, мѣткія и удачныя сравненія, обрисовывавшіе, дававшіе исчерпывающую характеристику событія, лица, вывода, или заключенія обличали въ немъ природнаго, говорящаго образами и картинами, оратора. Покойный умѣлъ цѣнить и любилъ истинную красоту слова, понималъ его силу и владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Все что онъ говорилъ или читалъ, оставляло глубокое впечатлѣніе, многое носило даже отпечатокъ поэзіи.

Сочиненіе его „Маточныя кровотеченія“ выдержало четыре изданія и является всѣми признаннымъ классическимъ руководствомъ по женскимъ болѣзнямъ. Переведенное въ свое время на французскій языкъ оно сдѣлало имя его очень авторитетнымъ не только во Франціи, но въ особенности въ романскихъ странахъ Америки, гдѣ при работѣ, въ условіяхъ близкихъ къ нашимъ, книга эта получила большое распространеніе еще 20 лѣтъ тому назадъ. Сочиненіе это обнимаетъ всѣ отдѣлы гинекологіи и абдоминальной хирургіи. Оно является не только полнымъ учебникомъ по этой дисциплинѣ, но и основной законченной монографіей, удачно соединяющей плоды

многолѣтней, огромной его клинической опытности съ обширными медицинскими и біологическими знаніями. Книга эта посвящена земскому врачу, для котораго она и предназначена. Въ нашемъ отечествѣ сочиненіе это всегда дѣлалось библиографической рѣдкостью: уже черезъ годъ, два послѣ появленія каждаго изданія, всегда приходилось и приходится слышать жалобы, что не удалось приобрести эту книгу, потому что она давно распродана.

Вопросы, касающіеся діагностики, терапіи, оперативной техники, толкованія и объясненія симптомовъ, и даже бытовой стороны, одинаково интересовали этотъ разносторонній, любознательный умъ. При разсмотрѣніи ихъ онъ проявлялъ тонкую наблюдательность и большую послѣдовательность.

Отличительная особенность мышленія покойнаго Владиміра Федоровича, была исчерпывающая постановка всякаго вопроса, способность быстро и всесторонне охватывать предметъ, выдѣлять главное и существенное, характерное и важное отъ случайнаго и второстепеннаго проявлялось во всемъ, съ чѣмъ ему приходилось имѣть дѣло. Поэтому онъ одинаково легко и быстро разбирался въ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ выдвигаемыхъ жизнью, какъ и въ вопросахъ своей спеціальности. Это давало особую цѣнность его сужденіямъ и внушало къ нимъ большое довѣріе. Мнѣнію его всегда отводилось первое мѣсто при всякихъ профессиональныхъ совѣщаніяхъ и на консультаціяхъ. Это было даже отмѣчено въ текущей прессѣ, въ воспоминаніяхъ по поводу его кончины. По дѣламъ не медицинскимъ, по вопросамъ жизни и ея осложненій, многіе тоже нерѣдко искали его совѣта. Они встрѣчали глубокое вниманіе, искреннее отношеніе, задушевное слово, получали успокоеніе и бодрость, уносили примиряющее утѣшеніе.

Какимъ-то чутьемъ угадывалъ онъ направленіе, которое должно принять рѣшеніе практически важнаго вопроса

лѣченія или оперативнаго приѣма. Многое изъ того, что онъ уже давно примѣнялъ и что можно было видѣть въ его клиникѣ, въ послѣдствіи появлялось какъ новое открытіе въ иностранной печати.

Такъ онъ давно оцѣнилъ практическое значеніе экстраперитонеальныхъ разрѣзовъ при отыскиваніи и опороженіи гнойныхъ скопленій въ брюшной полости. Операция, которою онъ для этого пользовался, *laparotomia extraperitonealis*, или *externa*, какъ онъ ее обыкновенно называлъ, была уже разработана анатомически (для тазовой и брюшной полости) и примѣнялась имъ уже нѣсколько лѣтъ съ большою пользою для дѣла, когда появилась толстая книга Bardenheuer (въ Кѣльнѣ, ученикъ гейдельбергскаго Проф. Simon) объ экстраперитонеальныхъ разрѣзахъ въ разныхъ областяхъ, гдѣ вопросъ трактовался чисто теоретически; а еще черезъ нѣсколько лѣтъ Проф. Sonnenburg помощью такого же экстраперитонеальнаго разрѣза, какой мы видѣли въ клиникѣ, значительно улучшилъ предсказаніе при нагноеніяхъ отъ аппендицита.

Промываніе организма отъ отравляющихъ его токсиновъ помощью впрыскиванія соленой воды, подъ кожу или въ прямую кишку, съ успѣхомъ примѣнялось покойнымъ Профессоромъ при хроническихъ заболѣваніяхъ задолго до появленія классическаго метода Проф. Murphy для лѣченія перитонита. Многіе годы до этого пользовался Владиміръ Федоровичъ совершенно такимъ же промываніемъ; но пользовался онъ имъ не при остромъ заболѣваніи брюшины, которое тогда лѣчить мало даже и пытались, а при хроническомъ и съ тѣми же цѣлями, достигая въ общемъ хорошихъ результатовъ.

А, какъ много общаго оказалось между отсасывающимъ методомъ Проф. Vier и примѣнявшимся болѣе 30 лѣтъ тому назадъ постояннымъ орошеніемъ Пр. Снегирева.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще много, но и сказаннаго достаточно, чтобы отмѣтить индивидуальную самобытность и счастливую изобрѣтательность этого выдающагося клинициста.

Значеніе прижиганія паромъ, какъ кровоостанавливающаго и дезинфецирующаго средства извѣстно каждому изъ насъ, но не лишне напомнить и объ оленьихъ жилахъ, которыя сослужили ему и его ученикамъ большую службу, пока мы еще не умѣли съ полною увѣренностью достигать стерильности кэтгута.

Оперативные методы, выработанные покойнымъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ, всегда имѣли въ виду простоту выполнения, устраненіе опасностей и отдаленные результаты.

При чревосѣченіяхъ онъ давно, еще до открытія клиники, сталъ широко примѣнять обшиваніе брюшиною культией и ножекъ послѣ удаленія опухолей, т. е. дѣлалъ то что въ послѣдствіи стало называться перитонизаціей.

Совершенно самостоятельно выработалъ онъ точныя показанія для промыванія и дренированія брюшной полости и пользовался этими методами широко и съ неизмѣннымъ успѣхомъ.

При выпаденіяхъ матки его операція *colporrhixia* обладаетъ огромнымъ преимуществомъ: послѣ высокаго укрѣпленія матки пришиваніемъ влагалищнаго свода къ брюшной стѣнкѣ возможны и извѣстны случаи беременности и самопроизвольныхъ родовъ, чего при другихъ методахъ прочной вентрофиксаціи достигнуть нельзя.

Онъ любилъ оперативное дѣло и любилъ оперировать. Число сдѣланныхъ имъ лично чревосѣченій давно превысило 2,000, возможно, что оно даже перешло за третью тысячу. Какого это стоило труда и сколько ушло на это ежедневной работы можно судить по тому, что брюшину и брюшную стѣнку онъ всегда зашивалъ самъ, только въ

последніе годы онъ сталъ поручать зашиваніе кожи помощникамъ.

Онъ никогда не гонялся за приоритетомъ того, что ему удавалось сдѣлать, или придумать. Довольствуясь пользою для дѣла, которую это могло принести, онъ съ радостью дѣлился съ каждымъ всѣмъ тѣмъ, что ему удавалось найти, придумать или узнать въ этомъ отношеніи.

Въ послѣдніе годы Владиміръ Федоровичъ очень интересовался лучевымъ лѣченіемъ, радіо, или даже точнѣе актино-терапіей, главнымъ образомъ всякихъ новообразованій, сталъ получать очень интересные и поучительные результаты, которымъ не успѣлъ еще подвести итоговъ. Въ лѣченіи этомъ видѣлъ онъ возможное осуществленіе мечтаній своей юности, когда онъ думалъ посвятить свою жизнь изысканію, изученію и нахожденію средства для исцѣленія отъ рака и другихъ злокачественныхъ новообразованій. Въ несомнѣнную возможность достигнуть этого, онъ вѣрилъ всегда и относился къ этому дѣлу съ большимъ увлеченіемъ. Съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ принялся онъ за это дѣло, теперь уже на склонѣ лѣтъ, но не успѣлъ его закончить. При Гинекологическомъ Институтѣ онъ выстроилъ особое Радіологическое отдѣленіе и оборудовалъ его на собственные средства, снабдилъ его могучими аппаратами для рентгенизаціи и значительнымъ, до 500 миллиграммъ, количествомъ радіоактивныхъ веществъ. Дѣломъ этимъ онъ занялся съ юношескимъ пыломъ, но не успѣлъ докончить.

Своимъ девизомъ, главнымъ руководящимъ началомъ всей своей жизни и дѣятельности, Владиміръ Федоровичъ поставилъ себѣ независимость, въ физическомъ и умственномъ отношеніи. На этомъ основывается сила индивидуальности его мышленія, искренность и убѣдительность его сужденій, успѣхъ и плодотворность его дѣятельности,

такъ же какъ и неудачи и огорченія, которыя ему приходилось переживать и которыя никогда не могли поколебать твердости и искренности его убѣждений. Независимость и уваженіе къ ней служили ему основаніемъ и мѣриломъ отношенія къ людямъ. Онъ ни къ чему и ни къ кому не подходилъ съ предвзятою мыслью, съ одинаковымъ уваженіемъ относился ко всякому мнѣнію, къ которому бы оно ни высказывалось, лишь бы исходило изъ искренняго убѣжденія.

Строго индивидуальный и безпартійный, онъ не могъ мириться съ дѣленіемъ людей по этикеткамъ, или шаблону, на чемъ бы это ни основывалось.

Искренній самъ, онъ въ каждомъ человѣкѣ искалъ искреннюю и добрую сторону и ей только и довѣрялъ. Довѣріе это оправдывалось чаще, чѣмъ можно было ожидать.

Иногда его причисляли къ правымъ или къ лѣвымъ. Самъ себя онъ въ шутку называлъ анархистомъ, потому что право на собственное мнѣніе всегда ставилъ выше всего, всегда оставлялъ его за собой и умѣлъ отстаивать. Насиліе и произволъ, откуда бы они ни исходили, всегда глубоко его возмущали и встрѣчали горячій его отпоръ.

Искренность и справедливость считалъ онъ единственнымъ правомѣрнымъ основаніемъ для всякой разумной власти, точно также какъ протекцію, подкупъ, взятку и ложь, главнымъ источникомъ ея несостоятельности и непригодности. „Не врите, говорилъ онъ, ложь всегда кончается срамотою“. Люди противоположныхъ и даже самыхъ крайнихъ воззрѣній относились къ нему съ одинаковымъ уваженіемъ, потому что они вѣрили его искренности, справедливости и независимости и поддавались обаянію его личности.

И къ наукѣ подходилъ онъ съ тѣмъ же требованіемъ независимости, полагая что въ этомъ условіи заключается

свободное и планомѣрное ея развитіе. Она должна быть независима отъ случайныхъ, постороннихъ и привходящихъ вліяній и давленія. Она должна быть національной, чтобы использовать силы и дарованія отдѣльной народности или расы и не должна подпадать подъ иноземное и чужеродное иго или руководительство, сохраняя независимую инициативу за собой.

Выдающійся представитель своего собственнаго искусства—хирургіи, онъ чутко относился ко всякому искусству вообще. Крупные его представители: художники, писатели, драматурги, судебные ораторы, пѣвцы, музыканты, актеры, въ бесѣдѣ съ нимъ легко находили общія точки соприкосновенія и скоро дѣлались его друзьями. Въ изящной литературѣ онъ умѣлъ отличать тонкіе штрихи и истинную красоту и часто украшалъ свою рѣчь примѣрами изъ лучшихъ писателей, съ большимъ мастерствомъ, на память воспроизводя изъ нихъ цѣлыя картины и эпизоды; которые въ его изложеніи пріобрѣтали особую силу и выразительность.

Великій старецъ земли русской, покойный Л. Н. Толстой не одинъ разъ приходилъ къ нему, вечеромъ побесѣдовать наединѣ объ интересовавшихъ ихъ обоихъ вопросахъ. Владиміръ Федоровичъ высоко ставилъ художественное дарованіе этого великаго писателя и любилъ приводить примѣры изъ его произведеній. Онъ и самъ обладалъ способностью въ красивой и изящной беллитристической формѣ рассказывать о своихъ встрѣчахъ, впечатлѣніяхъ и видѣнныхъ имъ событіяхъ. Рассказы эти отличались большою живостью, картинностью и законченностью. Надо очень пожалѣть, что онъ самъ никогда не удосуживался записывать ихъ, хотя иногда и обѣщалъ это сдѣлать.

Доброжелательное отношеніе покойнаго къ людямъ нерѣдко выражалось благотворительною помощію, которую онъ имъ оказывалъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ всегда имѣлъ

наклонность проявлять собственную инициативу и заботливость, никогда не относился къ нему формально и понималъ его широко. Ему несомнѣнно доставляло удовольствіе оказывать помощь, но удовольствіемъ этимъ онъ не любилъ дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было. Послѣ его смерти обнаружилось, что помощь эта имѣла болѣе широкое пространство, чѣмъ это видѣли близкіе къ нему.

Онъ охотно широко помогаль и заботился о воспитаніи безродныхъ дѣтей.

Когда удавалось ему спасти жизнь младенца помощью операциі (кесарское сѣченіе, доношенная внѣматочная беременность) онъ охотно дѣлался его восприемникомъ и заботился объ обезпеченіи ему хорошаго воспитанія, помня условія, въ которыхъ начиналась его собственная жизнь. Такихъ дѣтей было нѣсколько. Нѣкоторые изъ нихъ воспитывались даже въ его собственной семьѣ. Одного изъ нихъ онъ даже посылалъ учиться въ Англію и изъ него вышелъ прекрасный техникъ. Онъ сейчасъ руководитъ изготовленіемъ особой матеріи для аэроплановъ.

Онъ горячо любилъ свою родину и свой народъ, которому всецѣло считалъ себя обязаннымъ всѣмъ, что онъ получилъ и чего достигъ въ жизни. Онъ болѣлъ сердцемъ за труды и участь нашихъ героевъ, въ такихъ необычайныхъ по трудности, тяжелыхъ и даже невозможныхъ условіяхъ, грудью своею удерживающихъ упорный натискъ озвѣрѣвшаго врага, безчеловѣчнаго въ своей надменной гордости и безумной жестокости. Въ конечномъ исходѣ войны онъ никогда не сомнѣвался и мечталъ только дожить до ея конца и увидѣть то нравственное возрожденіе и подъемъ духа, которые должны за ней послѣдовать.

Тяжелыя переживанія историческаго момента, принявшаго размѣры небывалые, катастрофическіе не могли не отразиться на здоровіи этого чуткаго, сердечнаго человѣка. Въ прошломъ году сердце это стало сдаваться. У него

появились боли въ груди при ходьбѣ и утомленіи. Это стало немного удручать его, но послѣ лѣтняго отдыха въ деревнѣ все это, казалось, прошло. Съ осени онъ вернулся къ своей работѣ и даже недѣли за двѣ до своей кончины еще оперировалъ, не отказывая въ своей помощи больнымъ. Въ декабрѣ онъ уже чувствовалъ нѣкоторую усталость, а за нѣсколько дней до отъѣзда въ деревню у него было что-то вродѣ инфаркта въ легкомъ и небольшое кровохарканье. Онъ, впрочемъ, быстро оправился на ходу и какъ всегда дотягивалъ до отъѣзда въ деревню, гдѣ надѣялся, какъ всегда, набраться новыхъ силъ. Ожиданіямъ этимъ не суждено было оправдаться и 19 декабря онъ скончался отъ пневмоніи.

Близкую кончину свою онъ сталъ предугадывать еще въ прошломъ году на святкахъ, когда въ письмахъ своихъ изъ деревни онъ сталъ выражать недовѣріе къ своему здоровію, говорить о неизбѣжномъ заканчиваніи всякой жизни и останавливаться на философскихъ и созерцательныхъ сторонахъ будущаго и будущей жизни. На меня письма эти произвели грустное впечатлѣніе, хотя въ нихъ сохранялъ онъ полную бодрость и свойственную ему жизнерадостность духа. Недѣли за двѣ до своего отъѣзда изъ Москвы (11 дек.) онъ былъ на погребеніи своего сосѣда Проф. Поспѣлова. На панихидѣ онъ встрѣтилъ своего мѣстнаго приходскаго священника, человѣка тоже уже преклоннаго возраста. Здороваясь онъ сказалъ ему: „Видно, подходитъ и наша очередь“. „Да колось уже созрѣлъ вполнѣ“, отвѣтилъ ему этотъ благодушный и благообразный старецъ. Отвѣтъ этотъ оказался пророческимъ.

Наканунѣ Георгіева дня (26 ноября) покойный былъ на парастазѣ по убиеннымъ воинамъ. Предпасхальное пѣніе глубоко его тронуло. Послѣ всенощной онъ былъ въ особо радостномъ, примиряющемъ настроеніи и многимъ показалось, что онъ мысленно представлялъ себѣ, быть

можетъ, близкое собственное погребеніе и такое же пѣніе, въ той же Университетской церкви. Это такъ потѣмъ и случилось и 22-го декабря мы стояли вечеромъ у его гроба, въ той же церкви и слушали тѣже умиленные предпасхальныя пѣснопѣнія. Такое же точно впечатлѣніе вынесъ тогда и настоятель нашей церкви Проф. Н. Н. Боголюбскій, который вспомнилъ объ этомъ въ своемъ прощальномъ словѣ при отпѣваніи.

Скончался Владиміръ Федоровичъ на 70-мъ году, въ возрастѣ близкомъ къ предѣлу жизни Профессоровъ нашего Университета: они обыкновенно умираютъ въ возрастѣ отъ 60 до 70 лѣтъ. Сдѣлалъ онъ много, гораздо больше, чѣмъ мы въ состояніи это сдѣлать, а всетаки мы не можемъ отказаться отъ мысли, что умеръ онъ преждевременно.

Почему это такъ. Я думаю, что это происходитъ отъ ненасытности нашей человѣческой природы. Получивъ много мы хотимъ взять отъ нея еще что-то и думаемъ, что могли бы сохранить эту жизнь и получить отъ нея еще что нибудь, хотя бы удовольствіе видѣть его среди насъ; а душѣ этой, этому широкому сердцу давно нуженъ былъ отдыхъ и покой, котораго мы ему дать не сумѣли.

Сдѣлали это не отдѣльные люди, а при переживаемомъ историческомъ моментѣ, все человѣчество. Не отъ случайной болѣзни скончался нашъ учитель, а отъ тяжелаго удручающаго давленія событій, которое не могло выдержать это любящее свою родину, свой народъ сердце... Теперь оно нашло вѣчное упокоеніе.

Покойный Владиміръ Федоровичъ скромно оцѣнивалъ значеніе своей блестящей дѣятельности.

„Мы только навозъ, говорилъ онъ, и только подготавливаемъ почву для будущихъ дѣятелей, которые будутъ дѣлать уже настоящую работу.“

Попробуемъ представить себѣ это будущее, рисовавшееся его воображенію. Подумаемъ о томъ чудномъ растеніи, которое должно вырости на этой удобренной, подготовленной имъ почвѣ. Оно называется: Русская гинекологія и абдоминальная хйрургія.

Мы увидимъ дѣятелей, которымъ будетъ ввѣренъ уходъ за этимъ растеніемъ. Они дождутся могучаго, пышнаго его расцвѣта, увидятъ тотъ дивный цвѣтокъ, который представлялся въ мечтаніяхъ покойному учителю, залюбуются его красотой и изяществомъ.

Тогда обратятся они къ изображенію покойнаго Профессора, преклонятся передъ этой могучей, мужественной красотой его бодрой, представительной старости и посмотрятъ ему прямо въ глаза.

И вотъ, эти темносиніе, близорукіе глаза учителя загорятся и для нихъ тою ласковой, привѣтливой, жизнерадостной улыбкой, которую мы видѣли столько разъ.

Они забудутъ усталость, утомленіе; съ новою вѣрою въ свои силы вернутся они къ своей отвѣтственной работѣ. Убѣдившись, что они уже достигли хорошаго и даже лучшаго, они не удовольствуются этимъ, а будутъ добиваться еще лучшаго. И добьются.

А. ГУБАРЕВЪ.

12 января 1917
М. Кисловка, 2.

Примѣчаніе. Подробный перечень ученыхъ трудовъ покойнаго будетъ приведенъ въ подробномъ некрологѣ его въ Университетскомъ отчетѣ за 1916 г.; часть II (выйдетъ въ мартѣ).

ОКОЛО 40 лѣтъ тому назадъ, милостивые Государыни и Государы, намъ, студентамъ четвертаго курса, впервые пришлось встрѣтиться съ Владимиромъ Теодоровичемъ на его теоретическомъ курсѣ женскихъ болѣзней. Увлека- тельная, крайне своеобразная рѣчь, полная оригинальныхъ сопоставленій, сразу завоевала наше вниманіе и, не смотря на очень ранній часъ, его аудиторія была переполнена слушателями, и это въ тѣ времена, когда Московскій Уни- верситетъ блисталъ своимъ медицинскимъ факультетомъ, когда тамъ царили такія имена, какъ Найденова, Кожев- никова, Тольскаго и Захарьина. Теоретическій курсъ однако не былъ стихіей для В. Т., онъ не могъ здѣсь развернуть всю яркость своего таланта, его нужно было видѣть и слышать у постели больной, на практическихъ заня- тіяхъ.

Въ небольшомъ кабинетѣ Акушерской клиники, гдѣ ему факультетъ отвелъ помѣщеніе для чтенія лекцій надъ проходящими больными, въ полномъ смыслѣ слова яблоку некуда упасть, не только сидѣть, или стоять, но даже дышать не чѣмъ. У всѣхъ нервы напряжены до послѣд- ней степени въ стремленіи не проронить ни одного слова своего учителя, который рисуетъ яркими красками ту не- приглядную жизненную обстановку, въ которой развились

страданія женщины, пришедшей искать помощи отъ своего тяжелаго недуга.

Широта анализа, картинность сопоставленій, блестящая форма изложенія, съ чрезвычайной выпуклостью описаній жалобъ самой больной постепенно въ умахъ слушателей создавали ясное представленіе о той болѣзни, которая вначалѣ казалась чрезвычайно темной. Но вотъ случай разобранъ детально,—у больной тяжелое заболѣваніе, требующее либо продолжительнаго леченія, или оперативной помощи. Но, увы, у профессора имѣется только 4 кровати въ отдѣленіи проф. Захарьина, куда тяжело больныхъ класть нельзя, а серьезныхъ операцій производить невозможно. Приходится больную отправлять въ больницу, гдѣ о гинекологическихъ отдѣленіяхъ даже помина нѣтъ. Вѣдь тогда существовали лишь родильные дома и врачи-акушеры, а гинекологовъ не было. Да и родильный домъ былъ одинъ на всю Москву при Воспитательномъ Домѣ, гдѣ только еще въ зародышѣ было гинекологическое отдѣленіе. Создавалось самое невѣроятное положеніе: гинекологическія больныя ютились въ терапевтическихъ отдѣленіяхъ, гдѣ діагностики были чрезвычайно простыя; метритъ, метроррагія и параметритъ. Леченіе также крайне несложно: спринцеванія и кровоостанавливающія, мушки или наркотика. Объ операціяхъ никто и не думалъ, развѣ только зашьютъ промежность или мочевую фистулу. И это тогда, когда на западѣ гинекологія давно завоевала всѣ права гражданства и вступила на новый путь хирургическаго воздѣйствія. Уже во многихъ Университетахъ Германіи, Австріи и Англіи существовали обширныя гинекологическія клиники. Да иначе это и не могло быть. Вѣдь въ 70 годахъ прошлаго столѣтія брюшная хирургія и преимущественно овариотомія перестала быть рѣдкой операціей. Spencer Wells въ Англіи сдѣлалъ уже къ этому времени 800 овариотомій. Olshausen, Billroth, Hegar, Schröder въ

Германіи, Nélaton во Франціи; наконецъ и у насъ въ Россіи Крассовскій, Склифосовскій, Лазаревичъ также выступали съ иными заданіями въ этой области. Но Москва оказалась внѣ этого теченія. Научной гинекологіи не было, ибо не было гинекологической клиники, были больныя, но врачи гинекологи отсутствовали. Казалось страннымъ, что Петроградъ стоялъ, какъ будто совсѣмъ не русскій, а заграничный городъ, совершенно изолированно и не являлся разсадникомъ гинекологическаго знанія, ибо вся земская Россія, подобно Москвѣ, также оставалась въ такомъ же печальномъ положеніи.

Молодой Снегиревъ, живой, энергичный, уже вкусившій заграницею плодовъ новаго теченія, вполне естественно не медля ни минуты, началъ стучаться всюду, гдѣ бы можно было приложить свои пріобрѣтенныя знанія. Но куда пойти. Университетскія хирургическія клиники были для него закрыты, тамъ царилъ еще Басовъ, будемъ откровенны, со своими припарками и кислымъ тѣстомъ и Новацкій, который къ бактеріямъ, начавшимъ въ это время занимать вниманіе врачей, относился какъ къ воробьямъ и просилъ ассистентовъ во время операціи попугать ихъ карболкой изъ пульверизатора, а иглы держалъ воткнутыми въ салную свѣчку. Понятно, всякій свѣжій чело-вѣкъ съ иными воззрѣніями былъ для нихъ такимъ, отъ котораго всѣ они отмахивались.

Не въ лучшемъ положеніи были и больницы приказа Общественнаго призрѣнія, гдѣ царила подобная же атмосфера. И вотъ В. Ф. рѣшается устроить свою лечебницу и начать въ ней осуществлять свои планы. Но, увы, и здѣсь на первыхъ же порахъ стали встрѣчаться преграды. Въ хорошіе дома съ лечебницей не пускали, приходилось ютиться кое-гдѣ, съ неимовѣрными трудностями устривая все необходимое для производства большихъ операцій. Не было персонала, — ни врачей, ни фельдше-

риць, ни акушерокъ,—хотя сколько нибудь знакомыхъ съ уходомъ за больными послѣ тяжелыхъ брюшныхъ операцій. Все это приходилось В. Θ. выносить на своихъ плечахъ, не только оперировать, но и выхаживать больную, быть и врачомъ, и сидѣлкой. Прибавьте ко всему этому, что всѣ эти переживанія относятся къ 70-мъ годамъ прошедшаго столѣтія, когда Lefort сказалъ даже про строго организованные родильные дома въ Брюсселѣ, что они представляютъ собою „переднія смерти“ *antichambres de la mort* и требовалъ ихъ упраздненія, а Semmelweis и Lister едва лишь выступали въ свѣтъ со своими новѣйшими ученіями о распространеніи инфекціи и борьбѣ съ нею. Вѣдь, смертность тогда отъ оваріотоміи даже у Spenser Wells'a равнялась 38—40% и только за послѣдніе годы она упала до 22%. Нужно было много энергіи и мужества, даже отваги, чтобы выступить на оперативное поприще въ учрежденіи, совершенно къ тому неприспособленномъ, и съ случайнымъ персоналомъ неопытныхъ помощниковъ. Сколько испытывалось муки и страданій, чтобы въ борьбѣ за жизнь больной еще нести всю тяжесть ответственности за исходъ операціи предъ окружающими, не будучи ни минуты гарантированнымъ за ея будущее и имѣя передъ глазами постоянно огромныя статистическія цифры смертности даже въ лучшихъ клиникахъ запада. Я живо помню, какъ, будучи молодымъ врачомъ, мнѣ нрѣдко представлялось возможнымъ присутствовать и помогать при операціяхъ В. Θ.—чу. Наблюдая тогда его изо дня въ день, мнѣ невольно приходили на память слова Пастера, сказанныя своему другу Шаплюи „для своей работы приходится бороться съ огромными затрудненіями, но не только не надо падать духомъ, а напротивъ, надо изъ этихъ условій сумѣть выработать избытокъ энергіи“. Вотъ какого принципа, мы видѣли, придерживался нашъ молодой учитель.

Такъ среди тяжелыхъ условій и невзгодъ дѣло тянулось, пока, нынѣ тоже покойный, П. Г. Шелапутинъ не выстроилъ въ 1886 году въ память своей жены маленькаго отдѣленія съ операционной при Басманной больницѣ. Съ этого времени оперативная дѣятельность В. Θ. вступила на болѣе правильный путь, хотя положеніе его, какъ профессора, оставалось такимъ же неопредѣленнымъ, какъ и раньше, пока не была въ 1889 году сооружена гинекологическая клиника имени Т. С. Морозова.

Какъ видите, слишкомъ десять лѣтъ неимоверныхъ трудовъ, затраты огромныхъ силъ и энергіи потребовалось В. Θ.—чу для осуществленія давно лелѣянной имъ мечты создать при старѣйшемъ Московскомъ Университетѣ клинику и тѣмъ самымъ поставить кафедру гинекологіи на подобающую ей высоту.

Я счелъ необходимымъ остановиться болѣе подробно на всемъ вышесказанномъ, чтобы на этомъ мрачномъ фонѣ тогдашней дѣйствительности съ большей яркостью вырисовалась картина неимоверной, огромной работы, совершенной покойнымъ.

Посмотримъ же, во что эта работа вылилась, что имъ сдѣлано

Я, конечно, далекъ отъ мысли представить Вашему вниманію полную оцѣнку и значеніе всѣхъ его научныхъ трудовъ, мнѣ пришлось бы прослѣдить здѣсь всю исторію развитія гинекологіи почти за полстолѣтія, ибо нѣтъ ни одной отрасли, въ которой бы его пытливая мысль не вносила какихъ-либо своихъ личныхъ наблюдений, я останавлиюсь только на самыхъ главныхъ моментахъ, на тѣхъ его изслѣдованіяхъ, которыя создали ему почетное имя въ наукѣ.

Давно не было такого оживленія въ стѣнахъ Физико-медицинскаго О-ва въ половинѣ 70 годовъ прошедшаго столѣтія.

Наши корифеи не любили часто выступать со своими работами, а доклады другихъ блистали рѣдко особой оригинальностью. Но вотъ картина сразу мѣняется. Въ жизнь Общества влилась живая струя, появились доклады Снегирева объ оваріотоміяхъ. Почти не проходило ни одного засѣданія, чтобы въ Обществѣ не лилась талантливая, изящная по красотѣ и ясности изложенія рѣчь молодого ученаго. Анатомическій театръ давно уже не видалъ столькихъ посѣтителей. Новая жизнь, новыя вѣянія, одухотворенныя вѣрой въ успѣхи въ будущемъ, безъ прикрасъ горечь печальныхъ исходовъ, все несъ въ Общество молодой ученый. За оваріотоміей начались доклады вообще о ляпаротоміяхъ при фиброміомахъ и т. п.

Снегиревъ являлся всюду провозвѣстникомъ новыхъ началъ, которыя еще такъ были чужды многимъ даже виднымъ хирургамъ. Горячіе дебаты съ представителями старыхъ воззрѣній иногда принимали страстный характеръ, но боевого коня было уже трудно удержать, онъ почуялъ подъ собою почву. Талантъ художника и опытъ врача хирурга сплелись между собою и дали то, что не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ изъ неопытнаго и колеблющагося въ своихъ исканіяхъ гинеколога выросла могучая фигура хирурга ляпаротомиста, не знающаго никакихъ преградъ и часто объявляющаго войну самой природѣ. Огромная сила въ работѣ и чрезвычайная работоспособность создали то, что уже въ 1898 году онъ отпраздновалъ тысячную свою ляпаротомію, а умеръ, завершивши за нѣсколько дней до своей смерти пятую тысячу. Результатъ, котораго не достигалъ ни одинъ ни изъ русскихъ, ни изъ заграничныхъ гинекологовъ.

Пробѣгая быстрымъ взглядомъ результаты его этой работы нельзя не отмѣтить своеобразнаго подчасъ оригинальнаго толкованія тѣхъ примѣняемыхъ имъ модификацій въ оперативныхъ приѣмахъ, которымъ онъ слѣдовалъ

въ своей многолѣтней практикѣ. Такъ, видимо, по своей хирургической складкѣ В. Ѳ. до послѣднихъ лѣтъ не любилъ вагинальныхъ coeliotom'ий, оставаясь постоянно чистымъ приверженцемъ абдоминальнаго метода.

При огромномъ своемъ опытѣ, разъ увѣровавши въ цѣлесообразность какого-либа приѣма, онъ его не оставлялъ, не смотря на различныя вѣянія времени. Такъ онъ остался до послѣднихъ дней вѣренъ дренажу брюшной полости, уступивши только въ томъ, что сталъ выводить его часто per vaginam.

Въ качествѣ символа своей вѣры онъ оставилъ намъ монографію, „маточныя кровотеченія“, которая надолго будетъ настольной книгой для каждаго гинеколога.

Въ этой книгѣ онъ подробно изложилъ свои credo: hysterotomia abdominalis, строгая перитонизація культи при липаротоміяхъ дренажъ брюшной полости, постоянныя орошенія, нарѣ, электризація, массажъ и соляныя вливанія. Остались безъ отвѣта новыя пути леченія опухолей — рентгенъ и радій, которые за послѣднее время явились предметомъ его изученія. Здѣсь не мѣсто давать полную оцѣнку предложеннымъ имъ новымъ методамъ оперативныхъ приѣмовъ и леченія женскихъ болѣзней, но нельзя не сказать, что перитонизація культи, постоянныя орошенія и примѣненіе пара завоевали себѣ въ настоящее время прочное положеніе въ гинекологіи. И можно сказать, что едва ли найдется гинекологъ, который бы не зналъ и не примѣнялъ въ своей практикѣ постоянныхъ орошеній въ случаяхъ тяжелыхъ септическихъ заболѣваній.

Очеркъ мой вышелъ чрезвычайно краткимъ, въ немъ трудно было скомбинировать все то, что В. Ѳ. чемъ было сдѣлано въ оперативной практикѣ и леченіи гинекологическихъ заболѣваній.

Я также совершенно не коснулся той организаторской способности В. Ѳ., проявленной имъ при устройствѣ раз-

личныхъ сѣздовъ. Всюду онъ былъ въ первыхъ рядахъ дѣятелей и вносилъ и здѣсь массу энергіи и инициативы. Онъ не зналъ никогда устали, работалъ самъ, заставляя работать и всѣхъ его окружающихъ. Попадая только временами, случайно въ тотъ круговоротъ, въ которомъ онъ жилъ, приходилось поражаться проявляемой имъ мощи духа; и эта работа вся протекала съ вѣрой въ лучшее будущее и въ успѣхи медицины.

Какъ истинный художникъ, проявляя во всемъ живую наблюдательность и особенную способность всматриваться во внутреннее содержаніе того или другого явленія, онъ умѣлъ проявлять ихъ въ выпуклыхъ и жизненныхъ образахъ. Онъ всю свою жизнь окружилъ какой-то розовой дымкой, которая всѣхъ къ нему привлекала. Бывало стоило ему появиться гдѣ нибудь, какъ сейчасъ вокругъ него собирался кружокъ не только молодежи, но и убѣжденныхъ сѣдинами врачей, поднимались споры о новыхъ теоріяхъ, оперативныхъ приемахъ, о послѣднихъ теченіяхъ въ медицинѣ. В. Ѡ. съ присущей ему живостью принималъ всегда самое горячее участіе и нерѣдко вносилъ въ дебаты какую-либо оригинальную нотку. Вотъ почему онъ не замуrowался въ тогу неприступности, а всегда являлся центромъ, куда шель молодой и старый, чтобы получить отвѣты на волнующіе cadaго въ данный моментъ вопросы. Сначала клиника, а потомъ институтъ сдѣлались центромъ, куда врачи стекались къ нему отовсюду и разносили свѣточъ знанія по всей обширной нашей родинѣ. Москва сдѣлалась центромъ, куда земскій врачъ шель учиться гинекологіи и былъ увѣренъ, что времени здѣсь даромъ онъ не потеряетъ. Имя Снегирева было на устахъ у всѣхъ земскихъ врачей „отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“.

Не могу не отмѣтить еще одной заслуги В. Ѡ. Онъ одинъ изъ первыхъ открылъ двери своей клиники для

женщинъ-врачей, видя въ нихъ необходимыхъ работниковъ въ гинекологической области. Десятки лѣтъ тому назадъ онъ всюду указывалъ, что на нашихъ окраинахъ среди магометанскаго населенія только тогда можно ввести правильную медицинскую помощь, если будетъ широко поставлено женское медицинское образование въ Россіи.

В. Ө. не дожилъ до пятидесятилѣтняго юбилея своей научной дѣятельности всего 3-хъ лѣтъ. За полторы недѣли только передъ своей смертью онъ оперировалъ и жилъ своей кипучей, скажу молодой, жизнью. Нельзя было и думать, что дни его сочтены. И вотъ сегодня подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его неустанной энергичной дѣятельности, когда предъ глазами еще рисуется его мощная фигура и какъ будто слышится его талантливая рѣчь съ призывомъ къ энергичной работѣ, хочется вмѣстѣ съ поэтомъ сказать:

„Не говорите мнѣ: онъ умеръ—онъ живетъ.
Пусть жертвенникъ разбитъ—огонь еще пылаетъ,
Пусть роза сорвана—она еще цвѣтетъ,
Пусть арфа сломана—аккордъ еще рыдаетъ“.

Ө. АЛЕКСАНДРОВЪ.

ДЕВЯТНАДЦАТАГО декабря не стало В. Э. Снегирева. Полные растерянности и горя мы не въ силахъ были тогда осознать вполнѣ всю великость утраты. Чувствовалось только, что что-то большое ушло изъ жизни. „Пусто стало въ университетѣ“, писалъ тогда Чупровъ. Пусто въ Гинекологическомъ Институтѣ, и даже Москва какъ будто опустѣла, Москва, съ которой Вл. Эед. былъ органически связанъ: Москва любила Снегирева, и Снегиревъ любилъ Москву. Вмѣстѣ съ нимъ ушла изъ жизни цѣлая историческая эпоха, въ частности цѣлая эпоха русской гинекологіи. Такъ рѣдко кому выпадаетъ на долю счастье быть 45 лѣтъ врачомъ и почти 40 лѣтъ состоять преподавателемъ.

Порвалась цѣпь, связывавшая насъ—его учениковъ—цѣпь, созданная силой его духа, величіемъ и обаяніемъ его личности. Намъ особенно тяжела и чувствительна его утрата. Среди насъ протекали повседневныя будни его жизни: съ нами онъ работалъ, волновался и жилъ; съ нами, на общей работѣ выявлялось постоянное творчество его духа. Это была поистинѣ какая-то титаническая сила, постоянно творящая, неуклонно идущая впередъ и увлекающая другихъ. Богатырь ума и духа, онъ былъ для насъ неизсякаемымъ источникомъ знанія, нравственной

силы и житейской мудрости; а теплая простая душа его—она свѣтила тихо, какъ неугасимая лампада, щедро расточавшая тепло и ласку всякому приходящему къ нему. Всѣмъ памятна его величественная патриархально-спокойная фигура, привѣтливая улыбка, съ которой онъ встрѣчалъ каждого, его рѣдкая отзывчивость и его постоянная готовность придти на помощь. Простота и безконечная снисходительность къ людямъ были основами его духовной сущности.

12 лѣтъ я работала подъ его руководствомъ. Работать съ нимъ было нелегко: сильный тѣломъ и духомъ онъ какъ-то не могъ понять людской слабости, да и самъ онъ не могъ работать обычнымъ темпомъ. Темпъ его работы сложился исторически. Онъ былъ человекъ борьбы, ему все въ жизни приходилось создавать самому или брать съ боя. Боролся онъ за свое медицинское образование, съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу въ Воспитательномъ домѣ, гдѣ тогда господствовали нѣмцы. А создать на 4-хъ койкахъ русскую гинекологию, и ввести въ жизнь абдоминальную хирургию—развѣ можно было сдѣлать это безъ упорной борьбы съ сознательнымъ или бессознательнымъ упорствомъ человѣческой косности. Въ этой-то постоянной борьбѣ выковалась его личность. „Такъ тяжкій млатъ дробя стекло, куетъ булатъ“. И могъ ли такой человекъ работать тихо и спокойно! Да, работать съ нимъ было не всегда легко, но за то это не были сѣрыя утомительныя будни, изнуряющія тѣло и опустошающія душу. Въ постоянномъ соприкосновеніи съ творчествомъ его ума и силой его духа работа становилась плодотворной, интересной, а потому пріятной и легкой.

Я пришла въ Гинекологическій Институтъ въ 1904 году. Что поразило меня прежде всего—это широта взглядовъ, которую Вл. Фед. вносилъ въ пониманіе имъ науки гинекологіи, какъ науки о женщинѣ вообще и въ боль-

номъ и въ здоровомъ ея состояніи. Это широкое пониманіе имъ науки гинекологіи всплывало и когда онъ разбиралъ больную въ амбулаторіи, и когда читалъ лекціи или дѣлалъ операціи.

Лекторъ онъ былъ удивительный. Онъ понималъ и цѣнилъ красоту слова и въ совершенствѣ владѣлъ имъ, а многолѣтній жизненный и клиническій опытъ давалъ богатое содержаніе красивымъ формамъ его рѣчи. Когда онъ читалъ надъ больной, онъ проникновеннымъ умственнымъ взоромъ какъ бы созерцалъ болѣзненный процессъ, совершающій свой циклъ въ организмѣ, и въ послѣдовательномъ порядкѣ, слѣдующихъ одна за другою картинахъ, рисовалъ его слушателямъ.

Нарисовавъ картину мѣстнаго страданія, онъ, какъ художникъ, опытнымъ глазомъ окидывалъ весь организмъ, какъ по клавишамъ перебиралъ всѣ органы въ строгой координаціи ихъ функцій, особенно останавливался на тѣхъ, на которыхъ такъ или иначе должно было отразиться мѣстное заболѣваніе, и затѣмъ уже гармоничнымъ заключительнымъ аккордомъ звучалъ его діагнозъ, продуктъ анализа и синтеза его ума, которые въ немъ самомъ такъ гармонично сливались.

Въ назначеніи средствъ онъ не слѣдовалъ никакому шаблону, и пытливый умъ его былъ безконечно изобрѣтателенъ. Но онъ никогда не замыкалъ и даже не суживалъ умственного кругозора своихъ слушателей назначеніемъ опредѣленныхъ средствъ. Нѣтъ, онъ всегда намѣчалъ только путь, по которому надо идти, на что надо обратить вниманіе, какіе принципы надо положить въ основу леченія даннаго страданія, или, какъ онъ выражался, „на чемъ можно сыграть въ данномъ случаѣ“. Затѣмъ называлъ не одно, а рядъ средствъ, которыя могли бы привести къ намѣченной цѣли.

Иногда онъ бросалъ ретроспективный взглядъ назадъ на исторію гинекологіи и отмѣчалъ тамъ главнѣйшіе этапы мысли на этомъ пути. Иногда осторожно приподнималъ таинственную завѣсу будущаго, стараясь и туда, въ туманную даль неизвѣстнаго, бросить лучи, намѣчающіе дальнѣйшіе пути человѣческой мысли. На своихъ лекціяхъ онъ не только давалъ опредѣленные знанія, онъ будилъ мысль своихъ слушателей, и они расходились въ приподнятомъ настроеніи съ смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и благодарности къ тому, что уже сдѣлано и съ стремленіемъ и надеждой идти дальше.

Какъ хирурга, я застала Вл. Фед. вполне законченнымъ. Творецъ и живой свидѣтель всей исторіи хирургической гинекологіи въ Россіи, онъ вмѣстѣ съ другими вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть этой созидательной работы. Въ 1876 г. имъ была произведена первая оваріотомія въ частной лечебницѣ съ счастливымъ исходомъ. Сколько трудностей преодолено, сколько пережито волненій, пока наконецъ хирургическая дѣятельность съ внѣшней стороны не была поставлена въ надлежащія условія, а это произошло, когда были выстроены соответствующія спеціальныя зданія—клиники, и налажена соответствующая обстановка. Конечно работа сразу облегчилась.

Живя и работая какъ хирургъ, Вл. Фед. прошелъ всѣ періоды хирургіи, будучи самъ въ нихъ дѣятельнымъ участникомъ. Первый періодъ — экстраперитонеальный (полуасептический) смѣняетъ періодъ интраперитонеальный, вмѣстѣ съ тѣмъ антисептический. Врачи вмѣстѣ съ больными героически подвергали себя отравленію сначала карболкой (операции производились подъ непрерывнымъ гипреемъ изъ 5% раствора карболовой кислоты), потомъ еулемой, пока не насталъ періодъ асепсіи, и все это ужасное кануло въ лету. Съ этого періода начинается дѣятель-

ная разработка методовъ абдоминальной и пластической хирургіи. Всѣ методы прошли передъ глазами Влад. Фед., всѣми ими онъ увлекался и жилъ въ свое время. Что же изъ всего этого богатства, сложности и разнообразія донесъ онъ до настоящаго времени — простоту и скорость, которыя были его девизомъ до послѣднихъ дней его работы и жизни.

Методъ его былъ простъ, гибокъ, всегда примѣнителенъ къ случаю, и всегда давалъ прочные и вѣрные результаты.

Жизнь и здоровье больной и цѣль, ради которой производилась операція, были его руководящими принципами въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. У операціоннаго стола онъ былъ у себя дома; казалось для него не существовало непреодолимыхъ техническихъ трудностей, да и не было неоконченныхъ операцій. Что особенно восхищало и поражало всѣхъ, это его рука — рука художника, ни промаха, ни рѣзкаго движенія: отчетливая сознательная работа. Можно было бы многое перенять, многому научиться, но такую руку надо было имѣть отъ рожденія.

Но онъ не позволялъ техникѣ увлечь себя и стать цѣлью; на техникѣ ножа не умиралъ его творческій умъ, а можетъ быть здѣсь именно рождался онъ какъ великій клиницистъ, ибо здѣсь, на операціонномъ столѣ, по раскрытіи брюшной полости, происходила повѣрка данныхъ добытыхъ изъ жизни; здѣсь же черпался богатый матеріалъ для дальнѣйшаго мышленія. А Владиміръ Федоровичъ не былъ человѣкомъ только медицинскаго дѣйствія, но медицинское дѣйствіе и медицинское мышленіе сливались въ немъ гармонично. Онъ являлъ собою рѣдкій и драгоценный синтезъ созерцанія и дѣйствія, мысли и воли. Это счастливое сочетаніе удерживало его отъ односторонности и давало ему ту особенное врачебную мудрость, которая позволяла ему сохранять равновѣсіе на

двухъ граняхъ его бытія: какъ хирурга и какъ клинициста.

Когда Владиміръ Федоровичъ началъ преподаваніе гинекологіи, клиники женскихъ болѣзней, въ истинномъ значеніи этого слова, не было. Недостаточно было возвести стѣны, выстроить зданія, надо было дать содержаніе, влить жизнь въ эти учрежденія.

Это могъ сдѣлать только большой талантъ и кипучая энергія Владиміра Федоровича.

Первое время главное вниманіе удѣлялось конечно разработкѣ хирургическихъ приѣмовъ, послѣдующему уходу за раной и леченію различныхъ послѣоперационныхъ осложненій, которыя вначалѣ особенно, при несовершенствѣ методовъ, были конечно часты. Бережное отношеніе къ тканямъ, промываніе различными растворами, орошеніе, повышеніе тока изъ раны (осмоза) когда необходимо — широкіе разрѣзы, опорожненіе гнойниковъ, дренированіе — вотъ принципы, которые вошли въ практику нашей повседневной клинической жизни.

Параллельно съ разработкой хирургическихъ приѣмовъ шло изученіе заболѣваній женской половой сферы. Сюда вносилъ Владиміръ Федоровичъ ту же свойственную ему глубину мысли, тотъ же широкій размахъ.

Перечисленіе внѣшнихъ формъ заболѣванія женскихъ половыхъ органовъ, анатомической сущности ихъ заболѣваній — этихъ эндо-метро-парапери-метритовъ не только не удовлетворяло Владиміра Федоровича, но наводило уныніе на него своей мертвой неподвижностью.

Внутреннюю жизнь этихъ органовъ, изученіе функций женской половой сферы, какъ въ патологіи, такъ равно и въ нормѣ, изученіе различныхъ инфекцій и интоксикацій „жизнь гноя въ организмѣ“ какъ любилъ выражаться Владиміръ Федоровичъ, изученіе новообразованій, особенно

злокачественных—рака въ частности—вотъ что ставилъ онъ во главу угла.

Схема опроса больныхъ была разработана имъ въ совершенствѣ. Главное вниманіе удѣлялось субъективнымъ симптомамъ, особенно вопросу о боляхъ; вопросу о кровоточеніяхъ посвящена цѣлая книга, извѣстная каждому русскому врачу. Большое значеніе придавалось анамнезу, въ широкомъ смыслѣ этого слова, дѣтскимъ заболѣваніямъ, вопросу о наслѣдственности. Но предѣловъ одной человѣческой жизни слишкомъ мало, чтобы разработать все это детально, многое приходилось только намѣчать. Что касается собственно терапіи женскихъ болѣзней, то при бѣдности ихъ на первыхъ шагахъ медицинской дѣятельности Вл. О. леченіе было скорѣе искусствомъ, чѣмъ научной дисциплиной, и здѣсь особенно ярко сказался его даръ живыхъ интуицій, этихъ внезапныхъ и вѣрныхъ откровеній, идущихъ изъ глубины нашей подсознательной жизни. Но по мѣрѣ накопленія знаній расширялась и углублялась и эта область. Я не буду перечислять его терапевтическихъ пріемовъ,—можно удивляться только одному, какъ могъ Владиміръ Федоровичъ въ то время, когда тѣ научныя области, изъ которыхъ медицина должна черпать свои руководящіе принципы, свои методы изслѣдованія, работали еще обособленно,—какъ могъ онъ, идя ощупью, въ темнотѣ отыскивать вѣрные пути.

А это было такъ. Задолго до открытія Вieg'a имъ предложено было, какъ методъ леченія послѣродовыхъ заболѣваній,—постоянное орошеніе, построенное на томъ же принципѣ.

Методъ леченія инфекцій, интоксикацій солевыми растворами, въ формѣ ли клизмъ подкожныхъ или ректальныхъ вливаній, вышедшій изъ клиническаго наблюденія и опыта, въ настоящее время при новыхъ успѣхахъ физической химіи или коллоидальной физиологіи находитъ

свое оправданіе и въ будущемъ можетъ быть получить свое научное обоснованіе.

Много имъ было сдѣлано, „но есть ли это конецъ и идеаль всего того, что должна включать въ себѣ гинекологія?“ Такъ говорилъ В. Θ. въ своей рѣчи на открытіи съѣзда Ак. и Гинек. въ 1903 г. И далѣе читаемъ мы: „Я высказываю свое глубокое убѣжденіе, что періодъ хирургической гинекологіи есть періодъ законченный, и при томъ законченный совершенно. 30 лѣтъ мы занимались только удаленіемъ рака... Не говоря о томъ, что сущность рака намъ не далась,—развѣ клиническая сторона хоть мало-мальски разработана сравнительно съ его частотой и злокачественностью?... А вѣдь добрая $\frac{1}{3}$ больныхъ приходила къ намъ только потому, что имѣла или боялась его, и добрыхъ $\frac{2}{3}$ больныхъ умерло отъ возвратовъ рака нами оперированнаго, такъ называемымъ радикальнымъ способомъ“. Такъ говорилъ В. Θ. въ 1903 г.

Ракъ, этотъ сфинксъ, стоялъ всегда загадкой передъ его умственнымъ взоромъ. Онъ всегда говорилъ: „Что я видѣлъ больше всего—ракъ. Что я знаю меньше врага—ракъ“.

Понятно потому съ какимъ воодушевленіемъ приветствовалъ В. Θ. первые опыты примѣненія X—лучей для леченія новообразованій. Онъ не жалѣлъ ни матеріальныхъ, ни физическихъ, ни умственныхъ силъ, и до послѣдней минуты работалъ надъ разрѣшеніемъ этой проблемы. Смерть прервала его работу.

Но за $3\frac{1}{2}$ года онъ успѣлъ уже составить себѣ нѣкоторые опредѣленные взгляды, которыми онъ дѣлился съ нами. По его словамъ 75% фибромъ вполне могутъ обойтись безъ ножа. Относительно злокачественныхъ опухолей онъ высказывался пока сдержанно. Саркомы, по его словамъ, давали болѣе утѣшительные результаты, чѣмъ раки.

Но онъ не былъ только врачомъ, — онъ былъ человѣкомъ, и въ каждомъ больномъ видѣлъ прежде всего человѣка. Для него не существовало ни Эллина, ни Іудея, ни богача, ни бѣднаго больного, а простой русской крестьянкѣ онъ служилъ не только съ любовью, но и съ чувствомъ нравственнаго долга.

Въ бытность мою въ Алексинѣ я 3 лѣта помогала ему въ его личной амбулаторіи. Обычно послѣ приѣма специального у насъ начинался приемъ общій. И надо было видѣть нашу амбулаторію: это были почти сплошь отчаявшіеся хроники русской деревни, отъ которыхъ или отказались врачи, или сами больные устали къ нему ѣздить. И надо было видѣть съ какимъ терпѣніемъ и любовью выслушивалъ ихъ жалобы Владиміръ Федоровичъ, и съ какою вѣрою принимали они его простые, но мудрые совѣты.

Онъ любилъ русскій народъ.

Онъ всегда говорилъ, что онъ все получилъ отъ народа и обязанъ по мѣрѣ силъ служить ему. Истинный сынъ Россіи, такъ же могучъ, великъ и необъятенъ, какъ она. Когда загорѣлась великая война, онъ жалѣлъ только о томъ, что онъ старъ уже и не можетъ служить такъ, какъ хотѣлъ бы. Но онъ буквально жилъ событіями войны. Какъ болѣлъ онъ всѣми уродствами нашей внутренней жизни, какъ мечталъ онъ вмѣстѣ со всѣми честными и мыслящими людьми своей родины видѣть Россію послѣ войны обновленной и воскресшей. Какъ хотѣлось ему дожить до конца этой войны...

И вотъ прошла передъ нашими глазами вся долгая жизнь этого человѣка, полная напряженнаго труда, посвященная единой цѣли: изученію женскаго организма, его страданій и способовъ придти имъ на помощь. И за это отъ всѣхъ женщинъ земной поклонъ ему и великое спасибо.

Какъ широко ставилъ онъ задачи гинекологіи по отношенію къ женщинѣ, видно изъ слѣдующихъ красивыхъ строкъ. „Ближайшей задачей гинекологовъ должно служить то, чтобы помимо непосредственной врачебной помощи нашей русской женщинѣ, колыбели нашего народа, стремиться облегчить всю тяжесть въ положеніи нашей матери, дабы предупредить тѣмъ тѣлесное и духовное вырожденіе народа; чтобы въ 30 лѣтъ женщина не была изможденной. Для этого нужно сдѣлать для нея то, что мы дѣлаемъ для интеллигентной женщины: широко раскрыть ей двери для гражданской дѣятельности, озаботиться поднятіемъ ея нравственнаго и матеріальнаго состоянія, чтобы почтеніе и уваженіе окружали ее. А для этого надо приложить къ ней принципъ: женщина, колыбель человѣческаго рода, должна имѣть больше правъ и меньше обязанностей. Тогда она, какъ мать, сохранитъ свое здорье, возстановитъ свои богатырскія силы, свою мощь, свою красоту, и красота ея родитъ истину, а истина есть правда и красота“.

Всю жизнь горѣлъ онъ огнемъ недосягаемаго, и теперь это пламя погасло. Но остались искры—его завѣты. Будемъ свято хранить ихъ, донесемъ до могилы и умирая передадимъ потомству. Въ этомъ будетъ безсмертіе его, въ которое всегда вѣрилъ Владиміръ Федоровичъ.

Л. КУСКОВА.

Съ свойственною ему теплотою и подъемомъ А. Б. ФОХТЪ нѣсколькими живыми и яркими штрихами очертилъ свѣтлый образъ покойнаго, съ которымъ онъ учился съ перваго курса и сохранилъ дружескія отношенія всю жизнь.

„Если мы всмотримся во всѣ періоды дѣятельности дорогаго Владиміра Федоровича, сказалъ онъ, во всѣ выдающіеся проявленія его отношеній къ окружающему міру, то отмѣтимъ два господствующіихъ начала въ его духовной жизни, озарявшіе неугасаемымъ свѣтомъ его земное поприще.

Первое изъ нихъ это его выдающійся талантъ; его творческая сила, предначертывающая весь путь его прогресса.

Могущественное вліяніе таланта являлось главнымъ импульсомъ всего направленія дѣятельности Владиміра Федоровича отъ первыхъ шаговъ его вступленія въ область избранной специальности до послѣдующихъ періодовъ, ярко ознаменовавшихся столь выдающимся успѣхомъ. Только благодаря своему таланту В. Ф. могъ въ относительно короткое время начала своей карьеры осуществить рядъ крупныхъ реформъ въ созданіи кафедры гинекологіи по современнымъ принципамъ науки, только въ силу своей

творческой способности онъ возвысился до степени выдающагося ученаго, первокласнаго хирурга и преподавателя, импонирующаго живымъ словомъ, проникнутымъ искреннею любовью къ дѣлу, сразу устанавливающаго внутреннюю связь съ многочисленной аудиторіей слушателей.

Да, великимъ талантомъ наградила его Богъ и широко распространился этотъ талантъ по всей многолѣтней и разносторонней дѣятельности В. Ө.

Другой отличительной чертой міровоззрѣнія покойнаго дорогаго товарища являлось его рѣдкое по своему проявленію гуманное отношеніе къ окружающимъ, его искреннее доброе вліяніе, распространявшееся и на больныхъ, и на окружающихъ, и на учениковъ, и на слушателей. Всюду вносилъ онъ примиряющее, жизнерадостное настроеніе.

Тяжела, невыразима переживаемая нами утрата. Въ свѣтлыхъ чертахъ стоитъ передъ нами его глубоко симпатичный, могущественный образъ. Грустно мириться съ мыслью, что его уже нѣтъ въ нашей товарищеской средѣ.

Уважаемые товарищи! намъ остается одно утѣшеніе въ нашемъ общемъ горѣ, что всѣ завѣты его плодотворной дѣятельности, все его вліяніе какъ выдающагося ученаго и представителя, созданной имъ кафедры, будутъ свято сохраняться въ грядущихъ поколѣніяхъ“..

Передъ этимъ крупнымъ талантомъ, передъ этой доброй душой нужно преклониться, какъ и передъ тѣмъ что онъ сдѣлалъ для науки, для хирургіи и для университета и его будущаго.

Исходяція изъ глубины души, проникнутыя сердечнымъ, любовнымъ отношеніемъ къ памяти покойнаго, слова Александра Богдановича оставили глубокое впечатлѣніе.
